

Юрий ДЕМЕНЕВ

Любовь и война

Юрий Деменев

Любовь и война

Екатеринбург
2011

ББК 84 (2Рос = Рус)
Д 30

Деменев, Ю. П. **Любовь и война.** — Верхняя Пышма :
Издательский Дом «Филантроп», 2011. — 144 с.

ISBN 978-5-9941038-9

Книга издана при поддержке
Уральской горно-металлургической компании
(генеральный директор Ан. А. Козицын)

Выражаю глубочайшую благодарность Куминовой Валентине Александровне — учителю, заведующей музеем школы № 1 г. Верхней Пышмы за исчерпывающие данные по истории школы и ее учителей 30-х, 40-х, 50-х годов. Благодарю также всех, кто оказывал мне помощь в подборке справочного материала к повести.

ISBN 978-5-9941038-9

- © Деменев Юрий Павлович, 2011
- © ООО «Издательский Дом «Филантроп», 2011
- © ООО «Станционный смотритель» (макет), 2011

*Моим дорогим родителям
Павлу и Валентине Деменевым
посвящается эта повесть*

Пролог

Герои повести появились на свет в первые годы XX века. Обстановка в России была беспокойной. Достаточно вспомнить революцию 1905 г., когда обострились отношения между обществом и самодержавием, между помещиками и крестьянами, между буржуазией и пролетариатом.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Первая мировая война 1914–1918 гг. Октябрьская революция, провозгласившая общественную собственность на средства производства и запрет частной собственности. А чего стоила Гражданская война, когда, бывало, врагами оказывались отец и сын, родные братья и другие близкие люди?! Из оценки этих событий у героев, еще совсем молодых людей, вырабатывалось собственное мировоззрение, собственная оценка происходящего. Все это напрямую влияло на жизнь простых людей: на войнах сражались мужья и отцы. А как принимать революцию с обобществлением собственности? Совсем не трудно представить себе, как поведет себя пусть даже не очень богатый, но самостоятельный хозяин, когда ему предписано все нажитое сдать в какой-либо кооператив (колхоз).

Откуда вдруг у него появится уверенность, что из этого в итоге выйдет толк? Двадцатые годы заставили крестьян задуматься над этим всерьез, когда началась коллективизация и тут же индустриализация, так как Советская власть прекрасно понимала, что надо срочно развивать промышленность, а значит, строить заводы, фабрики и металлургические комбинаты, ведь впереди все равно война. Разве капитализм смирится с коммунистическими идеями? В любой стране мира у власти богатейшие люди — частные собственники.

Эти годы многие жители деревень потянулись в города на большие стройки. Наши герои — выходцы из села, из небогатых семей.

Деменев Павел — родился 27 августа 1903 года в селе Аспа Уральской области, первенец в семье торговца.

Хренова Валентина — родилась в селе Сепыч Уральской области в небогатой семье.

На примере этой семьи — семьи Деменевых — можно проследить, как народ участвовал в социалистическом строительстве молодой республики. Я использую переписку Павла и Валентины, где они делились своими рассуждениями, взглядами, успехами и неудачами.

Перед нами письма молодых, начиная со студенческих времен и до августа 1943 года.

Жизнь до встречи в 1929 г.

Они познакомились в 1929 г., поступив в Пермский педагогический институт на историко-экономический факультет, будучи уже достаточно взрослыми людьми 26-ти и 23-х лет соответственно. Его звали Павел, ее — Валентина. Павел постарше. В этом возрасте, конечно, уже пора думать о создании семьи, но оба прекрасно понимали, что имеющегося образования явно недостаточно, и надо еще учиться и учиться в такое непростое время, если хочешь добиться в жизни большего. Дальнейшая жизнь подтвердит серьезность их намерений и их способности. Оба были целеустремленными людьми. За спиной у обоих уже был трудовой стаж. Павел в 1923 г. закончил Осинский педагогический техникум, и хотя качеством обучения остался недоволен из-за отсутствия топлива и голода в 1921–22 гг., но, по его словам, «получил хорошую революционную закалку». В 1920 г. вступил в комсомол, а в 1923 г. был рекомендован комсомолом в члены ВКП(б). Закончив техникум, был назначен учителем начальных классов в 7-летнюю школу в селе Уинске, а через полгода уехал в г. Сарапул для работы по созданию пионерской коммуны. С ноя-

бря 1926 г. и до сентября 1929 г. работал пионерским работником, а затем, прекрасно понимая, что необходимо высшее образование, поступил в институт. Валентина, закончив школу, поступила вместе с подругами в Очере в коммерческое училище, а закончив его, по распределению поехала учительствовать в одно из сел вблизи родного Очера. Город Очер (в те времена Завод Очер) — ныне районный центр — красивый населенный пункт с прекрасным прудом на реке Очер и островом с пышным сосновым бором, бывшее владение графа Строганова. Здесь находятся два завода: механический и металлоизделий.

Там и жила семья Хреновых: Петр и Мария с тремя дочерьми — Таисьей, Зинаидой и Валентиной. Валентине как младшей досталась впоследствии в наследство огромная чугунная сковорода 0,7 м в диаметре и вафельница-изложница для выпечки трубочек, которые заполнялись начинкой, например, кремом. Наша семья многие годы пользовалась этими предметами быта. Кем был дедушка Хренов, к сожалению, неизвестно. Никакого официального документа на этот счет не имеется. По словам Валентины Петровны, он работал на металлзаводе, по воспоминаниям дочери Зинаиды Петровны — Людмилы, он был едва ли не священнослужителем. Возможен и тот и другой вариант, если судить лишь по вышеупомянутым предметам быта. Если Петр — священнослужитель, то ему могли это подарить прихожане. А Валентина Петровна могла и не рассказывать своим сыновьям, кем был ее отец,

учитывая тогдашнюю антирелигиозную пропаганду. В конце концов, это не столь важно. Гораздо интереснее подумать над тем, почему обе сестры, Зина и Валя, пошли в учителя? Старшая, Тася, вышла замуж и уехала к мужу в д. Семеново, что в 7 км от Очера, стала колхозницей. На моей памяти этот колхоз имени В. П. Чкалова был довольно богатым. Я был свидетелем, как героически трудились работники этого колхоза в Великую Отечественную войну, а ведь это были по большей части женщины, в том числе и Таисья Петровна Бурдина, сестра Валентины. Муж ее, как и большинство мужчин, был призван в армию, но, возможно, к счастью — в трудовую и всю войну трудился на металлобазе в Свердловске, будучи прекрасным сапожником. Но я невольно забегаю вперед, и мне пора вернуться в двадцатые годы, когда соединились судьбы молодых. Итак, они пошли в учителя, поскольку Зинаида Петровна тоже выучилась на учительницу и стала прекрасным учителем математики.

Тут можно рассуждать по-разному. Во-первых, после школы стало ясно, что надо продолжать обучение для повышения грамотности, ведь после всех исторических потрясений огромное количество населения в стране было безграмотным, а молодая советская власть понимала необходимость грамотных кадров для успешного развития и изо всех сил старалась открывать новые учебные заведения: училища, техникумы и др.

Вот и шли: Павел — в Высшее начальное училище, а Очерские подружки — в коммерческое училище, чтобы

стать учителями. Наверняка срабатывал и революционный энтузиазм молодежи. Сохранилась фотография, датированная 1924 г., на которой четыре красавицы-подружки: Полина, Маруся, Валентина и Анна, восемнадцатилетние, с накрученными кудряшками, стоят, улыбаясь, взявшись за руки. Впереди — жизнь!

Еще о родителях

Про деда Хренова я уже рассказал, а вот о бабушке Хреновой тоже необходимо добавить. Мария Васильевна, по словам нашей мамы, работала поденщицей у богатых. Была прекрасным кулинаром. Очень любила читать и читала книги до последних дней, а умерла рано — в 1938 г., так как страдала ревматизмом: я запомнил ее, сидящей в кресле, у нее работали только руки. Так что о родителях Валентины сведения весьма скромные.

Зато о родителях Павла удалось узнать гораздо больше. Приятно, что дед наш Петр Павлович был личностью весьма незаурядной. Родился он в 1883 году в семье торговца. И сам стал торговцем. Имел лавку при доме, 1–2 лошади, 1–2 коровы, торговал только сам, приказчиков не имел. Торговлей занимался до 1916 г. За это время отслужил в армии, женился на поповской дочке Надежде, которую, образно говоря, выкрал (с согласия самой Нади, надо полагать). Произошло это, по всей вероятности, в Уинске, но в каком году — трудно сказать. Однако в 1903 году у них уже родился первенец — Павел, а было это в селе Аспа. Потом они снова стали жить в Уинске, судя по надписям на фото. Перед Первой мировой

войной Петр Павлович был снова призван в армию в г. Казань, в полковую школу и стал унтер-офицером, так как на фронте заработал ни много ни мало целых три Георгия, побывал в плену в Австрии, но благополучно вернулся с войны. А в 1918 году во время кулацкого восстания был командиром партизанского отряда. С приходом Красной армии стал красноармейцем и служил до конца Гражданской войны, после чего вернулся к семье в Уинск и занялся сельским хозяйством. Некоторое время дед был председателем волостного исполкома. Надежда Евгеньевна, наша бабушка, в 5 лет осталась без отца, и жили они очень бедно. Поступила в Епархиальное училище, а потом стала учительницей. Через 2 года вышла замуж за Петра Павловича. После Февральской революции поступила делопроизводителем в волостную управу. В 1924 г. волисполкомом была назначена учительницей. С переездом в деревню Звереву, что в 3 км от районного центра Чернушка вступила в колхоз, стала ударницей. Было у них пятеро детей: Павел (1903 г. р.), Клавдия (1908 г. р.), Нина (1915 г. р.), Евгений (1917 г. р.) и Вера (1922 г. р.), трагически погибшая от удара молнии во время грозы.

Когда началась коллективизация, Петр Павлович не спешил с вступлением в колхоз. В 1928 г. в д. Звереву получил земельный участок 0,5 га, построил дом, перевез семью, поступил на службу в учлеспромхоз (Уралторг) завхозом и с геологоразведочными партиями прошел весь Урал, включая и Северный, повидал лихую

уральскую жизнь. В 1933 г., видимо, поняв, что пора домой к семье, он вернулся в Зверево, вступил в колхоз, довел до ума свое хозяйство, на деле доказав, что он способный работник, а в 1940–42 гг. избирался председателем колхоза.

Учеба в институте. Любовь и женитьба

Итак, с сентября 1929 г. Павел и Валентина стали учиться в Пермском педагогическом институте. Никто точно не расскажет нам, когда их отношения стали более близкими, но первая их совместная фотография датируется 6 марта 1931 г. Они уже муж и жена. И в этом же месяце они вынуждены расстаться в связи с отъездом на производственную практику. Она едет в Хрустали, а он — на Уралмедьстрой. Вот его первое письмо жене.

14 марта 1931 г. «Милая Лялька! Наконец собрался тебе написать. Доехали мы до Уралмедьстроя вполне благополучно, было две пересадки: на ст. Горблагодатской и Верхней. Прибыли 12 марта. Сначала пошли в рабочком профсоюза строителей договориться о работе и решить квартирный вопрос, потом в партком и жилотдел. Ознакомились, как решается квартирный вопрос в Уралмедьстрое, как идет борьба с жилищным кризисом. Направили нас в барак № 10, где живут практиканты, курсанты и совпартшкольцы. Барак небольшой — это одна комната, разделенная занавеской, так как вместе живут мужчины и женщины. У каждого отдельная койка с постельными принадлежностями.

Сегодня с Соней провели собрание просвещенцев с вопросом о походе за качеством культработы и перестройке ее. Просвещенцы отнеслись довольно активно и единодушно согласились со всеми нашими предложениями, постановили включиться в культэстафету и подписаться на журнал «Просвещение» на Урале». Сюда приехал инспектор УралОНО Рудин, бывший зав. Кунгурским ОКРОНО, так что нам с ним работать будет легко, он поможет нам здорово. А вот о тебе, Ляль, я думаю все время, что ты в глухой деревне и одна, помощников у тебя наедине мало, да еще ты не совсем здорова, так это меня очень беспокоит, и совесть грызет все время, что я до сих пор не отослал. Но ты, дорогая милая Лялька, не обижайся на меня и не беспокойся, я просто готовлюсь к докладу и прихожу домой очень поздно. Сегодня мы получили карточки кооперативные и купили сахару, мыла и конфет. Приедем домой, так я тебя угощу ими. Ну пока. Всего тебе наилучшего. Работай, будь бодрой и крепка, ты ведь у меня хорошая, Лялька. А в больницу тебе обязательно надо сходить, миленькая. Смотри, берегись, питайся как следует, ничуть не экономь на этом. У меня кой-чего сэкономится, так как на питание в день уходит максимум 1,0 руб., а за квартиру, кажется, ничего не возьмут.

Да, я тебе еще ничего не написал, что же такое Уралмедьстрой? Это комбинат, объединяющий рудники по добыче медной руды и обогатительную фабрику, которая должна быть пущена 1.04. Потом будет тут хим-

комбинат. Сейчас здесь работают только шахты и один цех этой фабрики. А сейчас идет стройка, строят жилища, фабрику, жел.-дор. пути и электростанцию. Начали строить в 1924 г., но до 1928 г. все это шло с прохладцей, а теперь стройка идет полным ходом. Кругом лес, дома все однотипные, так называемые коммуны, — семиквартирные. Но квартирный кризис — острый, городом еще не пахнет. Вот улица, по которой ходим в столовую, — очень узкая, по одну сторону низкие длинные бараки для рабочих, по другую — «жилища» для лошадей, сколоченные на скорую руку из пеньков и тонких деревьев. Посредине улицы толстый слой навоза, помои и пр. прелести. Адрес мой таков. Станция Верхняя, Пермской ж. д., Уралмедьстрой — поселковый совет, отдел народного образования. Мне. Пиши скорей. Твой Павел. Дрянной за то, что долго не писал».

Речь идет о стройке Красноуральска.

28 марта 1931 г. «Милая Лялька! Прости, что долго не писал, как ты там в своей деревне? А мы совершенствуем свою работу: распределили между собой свою работу по участкам, на мою долю достался ближайший участок — Левинский рудник, всего в 3-х км от Нового завода. Ходил туда сегодня в первый раз на собрание рабочих одной смены по вопросу ликвидации неграмотности с участием членов поселкового совета, но народу собралось мало, и ничего не состоялось, и тогда пошел в кино на «Огненный рейс» о гражданской войне в Сибири.

Вчера закончил работу в одной из бригад, созданных комиссией от ЦК ВКП(б), обследующих массово-политическую работу, был бригадиром бригады по изучению культурно-массовой работы. Здесь таких комиссий полно. Есть еще от Обкома ЦКК во главе с Григорьевым — бывшим в 1926–27 г. секретарем райкома партии в Уинске — знакомый парень, да еще Рудин — инспектор УралОНО, он помогал нам пробивать твердолобого оппортуниста по вопросу культурной революции, написав о недостатках в этой области в местной газете «Гигант». Еще 19.03 мы провели совещание с представителями различных организаций, с согласия райкома, а то они были заняты. Я делал доклад, кажется, получилось неплохо, в прениях выступили 18 чел., хотя желающих было больше. 23.03 проводили слет всех культармейцев с приглашением рабочих ударников, слет прошел здорово: 5 ударников тут же подали заявления о вступлении в партию, выступало много рабочих, домохозяек и др., объявляли себя ударниками-культармейцами, вызывали один другого на внесение денег для детского сада и на политехнизацию школы, ФЗУ, открытие детсадов и яслей, клубов и т. д. Теперь создано общественное мнение за культурную революцию. Поднята активность и рабочих, а в особенности домохозяек, за открытие детсада, и сад открыли, с боем взяли помещение для него. Плохо с ликвидацией неграмотности: культармейцы на занятия ходят плохо. Здесь идет сыпной тиф: ежедневно заболевают от 2 до 5 чел.

Немного о себе. Стараюсь не скучать, чтобы не мешало работе, но где-то внутри сидит какой-то тепленький червячок и дает все время о себе знать: скоро ли 10 апреля, когда можно будет ехать к своей Ляльке, каково-то ей одной живется, как у нее идет работа? Я все время думаю, что ты приедешь с лучшими, чем у нас, результатами. Часто напоминание о тебе у меня вызывают носовые платочки, так приятно пахнущие одеколоном. Но работе это ничуть не мешает, я чувствую себя уверенно, что все выдержу, и даже когда такую работу придется вести в качестве ответственного лица. Ну, милая Лялька, пока, желаю тебе прийти к финишу первой. Надеюсь, что ты там, в деревне являешься хорошей хозяйкой большого дела. Ты, Ляль, не обижайся, что тебя называю маленькой, это же только в физическом смысле. Ты знай, что этот «маленький золотник» мне очень приятен, близок и дорог. Сейчас пойду в столовую, и если китаец еще торгует, куплю тебе чулки — у него есть хорошие. Твой Павел. 29.03.31 г. »

9 апреля 1931 г. «Миленькая Лялька! Твое письмо получил еще 3-го, до него отправил тебе 2, третье писать не хотел, потому что рассчитывал сам приехать в Пермь 11-го, но сегодня получил телеграмму из Урал-оно, что срок нашей работы продлен до 25.04., приходится оставаться еще на полмесяца, как это ни грустно и мне, и тебе. Эх, милая Лялька, а я-то приготовился ехать: купил тебе хорошие чулки, конфет хороших, печенье и что-то еще очень хорошее. Узнаешь, когда приеду.

Ну, Лялька, смотри не плачь, будь здорова и пиши чаще. До какого числа у тебя отпуск?»

19 апреля 1931 г. «Миленькая Лялька! Получил твое письмо, но оно наваяло на меня тревогу, ты словно что-то не договариваешь: или сердишься, или болеешь, словно писала не своим почерком? Я, грешный, очень нехороший человек, и подумал: уж не Очер ли повлиял на тебя? Но потом постепенно то хорошее чувство к тебе вытеснило опасения, и теперь скорей, скорей рвусь к своей милой Ляльке. Если до 21-го денег не получим, то займем и уедем не позднее 23-го. Ну так ладно, миленькая Лялька, пока до 25–26-го».

Как ни мечтали молодые встретиться, но ничего не получилось. Валентине не удалось дожидаться Павла и пришлось уехать раньше на пару дней. Им снова оставалось общаться с помощью писем. Валентина провела отпуск в Очере у мамы, повстречалась с друзьями — и снова в деревне Хрустали на практике. Разлука продолжалась.

Павел в июне, уже в селе Губаха (теперь это город в Пермской области) работает на угольной шахте шахтером-практикантом. Будущий учитель должен знать, что значит добывать каменный уголь. А долгая разлука только усиливает переживания.

14 июля 1931 г. «Миленькая Лялька! Сейчас получил от тебя письмо и под свежим впечатлением отвечаю сразу. Хорошо, что ты написала о своем настроении, а не умолчала. Я, конечно, не сержусь, чего ты опасаться, а наоборот благодарен за откровенность. Из письма

видно, что ты все та же, не особенно довольная мной. Такое настроение усилила семейная обстановка, чтение 2 книг, название которых ты мне так и не назвала, но все же напиши, прошу об этом. Но также вижу и то, что ты — моя миленькая Лялька, я тебя считаю такой. Зря ты себя считаешь нехорошей — ты хорошая, Лялька. Я тебя люблю, ты это знаешь, и не фальшиво называю тебя миленькой, потому что ты на самом деле миленькая, дорогая для меня Лялька».

16 июля 1931 г. «14-го я не успел дописать, так как позвали на субботник по уборке мусора в поселке, а после него дали бесплатные билеты в клуб на концерт баяниста, получившего 1-й приз на конкурсе гармонистов Украины, а так как здесь я еще нигде ни разу не был, то позволил себе сходить. А назавтра пришлось идти на треугольник по вопросу вербовки в Пединститут и на Рабфак, хоть вербовать здесь практически некого, так как образование должно быть не ниже 7 кл., а таких здесь всего 18 человек, и все они занимают квалифицированные должности, и все учатся заочно. В рабфак завербовали 10 чел.

Вчера вечером состоялось собрание бригады нашего 138-го забоя с отчетом бригадира. В результате его переизбрали, а в бригадиры избрали меня. Теперь мне придется разворачиваться как следует, так как наша бригада производственное задание выполняет на 53–64 %, а другие забойщики, бывает, выдают вместо 7 по 12 вагонов угля, а это так здорово, что даже десятники не хотят

верить. А я должен добиться 100% плана, и мне придется часто бывать во всех 4-х сменах, бегать по начальству и т. д. А сам я уже научился работать на разбуровочном и отбойном молотках, эти механизмы работают на сжатом воздухе, потом я тебе объясню, как они работают. Это нетрудно, только надо привыкнуть. Привык к работе обушком. Одним словом, Лялька, становлюсь настоящим шахтером.

Недавно здесь был Кузнецов — предпрофкома и зав. кафедрой минералогии Воскресенский, побывали в штольне, мы их заставили поработать в нашем забое, чудно было на них смотреть, совсем не приспособленных к работе руками. Воскресенский выделил нам 2 тыс. рублей для премирования шахтеров.

А сейчас, милая Лялька, иду на работу. С завтрашнего дня буду работать в 1-ю смену, вставать придется в 5 утра, а с работы — в 4 вечера. Ты спрашиваешь о питании, сообщаю: мы теперь столуемся в столовой ударников, кормят качественно, можно покупать молоко по 20 коп. стакан, иногда покупаю. Пиши, твой Павел. Верхняя Губаха, барак 117».

Закончилась преддипломная практика. Молодые опять вместе. Долой разлуку. Да здравствует любовь! Только опять некогда: впереди госэкзамены, распределение на рабочие места, а страна огромная, и вокруг стройки социализма: в Перми, Челябинске, Свердловске и по всей стране. «Кадры решают все!» — на очередном съезде партии произнес И. В. Сталин.

И действительно, стране нужны металлурги, сталевары, доменщики — грамотные специалисты и не в меньшей степени — учителя: в стране так много неграмотных.

И в апреле 1932 г., защитив дипломы, по распределению Деменевы едут в Магнитогорск, где строится металлургический комбинат. Условия ужасные, как у всех, те же бараки для жилья. Но молодым очень непросто: они уже готовятся к рождению первенца, который 9-го июня оповестил о своем появлении первым криком. Отец-историк дает ему историческое имя — Фридрих. Тогда вообще была мода на нетрадиционные имена. Павел — учитель истории и обществоведения в ФЗС № 16. Год выдался и радостным, и тяжелым. Валентина лежала в больнице в Троицке, Павел постоянно ездил туда. С деньгами было сложно, и Павел 4 месяца не платил партвзносы, за что тут же получил выговор. А в ноябре 1933 г. проходила очередная партчистка, и один из членов партячейки, изучив биографию Деменева, заявил, что его родительская семья является чуждым революции элементом, и Павел Петрович должен быть исключен из партии. Вдобавок ко всему Павлу припомнили, что поступая в институт, скрыл свое происхождение. А в характеристике было указано, что его отец — маломощный середняк, а это значит: 1–2 коровы, 1–2 лошади. Положение осложнялось тем, что один из братьев Петра Павловича был действительно богат и, избегая раскулачивания, продал все имущество и сбежал. И вдобавок один из членов партячейки обвинил Павла

в том, что он якобы является пассивным коммунистом. И это учитывая то, что Павел по собственной инициативе организовал и вел кружок марксизма — ленинизма, и небезуспешно, о чем и высказалась еще одна член партячейки. Но и это не помогло, и в декабре 1933 г. Павел был исключен из партии. Позднее он не раз апеллировал в областную комиссию, но каждый раз его объявляли элементом, чуждым рабочему классу. Хотя его отец в это время работал агентом Уралторга, то есть был госслужащим, а мать и сестра Павла работали учителями. Такие были времена.

Медный рудник — Верхняя Пышма

Жизнь продолжалась, и молодые решили сменить место работы и жительства. 4-го февраля 1934 г. они переехали в пос. Медный рудник и стали учителями школы № 23 Пышминского медеэлектролитного завода Сталинского района г. Свердловска. Началась новая жизнь. Павел Петрович — учитель истории, а Валентина Петровна — учитель географии. Им дали квартиру в учительском доме. Дом был двухэтажный, камышитовый, 8-квартирный на два подъезда и, как потом оказалось, страшно холодный в зимнее время, стоял рядом со школой, только через дорогу. Школу потом переименовали в среднюю школу № 1, она стала десятилеткой, но это произошло значительно позднее.

Родители с энтузиазмом окунулись в работу, правда, в августе в семье вновь произошло пополнение — родился второй сын, Юрий. Вот так и появился я, уже коренной пышминец, чем я почему-то очень горжусь. Именно в 1934 г. вступил в строй Пышминский медеэлектролитный завод, ставший одним из крупнейших в стране поставщиков меди. Многие из строителей завода так и осели на Медном руднике, получили жилье,

а дети их стали учиться в этой самой школе № 1, где работали наши родители. Родители привезли из завода Очер нашу бабушку — мамину маму Марию Васильеву, жившую в Очере в своем доме. Дом она продала, а документ о продаже до сих пор хранится у меня. К тому времени она уже сильно болела: из-за ревматизма подвижность покинула ее, работали только кисти рук. Она сидела в кресле и читала до последних дней жизни в 1938 г.

Коли я заговорил о доме, в котором мы прожили до июня 1943 г., не могу не сказать о наших соседях — учителях, работавших в той же школе буквально самоотверженно, с великим энтузиазмом, как, впрочем, большинство населения нашей страны, которая впервые в мире строила социалистическое государство. Читатель, конечно, сразу же воскликнет: «Да у вас тут одни репрессии были и ГУЛАГи! А заводы строили заключенные». Да, все было. А заключенных и сейчас, мы видим, на стройки возят. Семьи учителей нашей школы также страдали от этого. Так, был репрессирован муж директора нашей школы — прекрасной учительницы литературы, а ее сын по окончании школы лишился возможности поступить в Казанский авиационный институт по той же причине, но окончив Горный институт, стал прекрасным инженером-геофизиком. Прекрасный педагог — учительница немецкого языка Елена Карловна Михаэлис тоже страдала от одиночества.

Маргарита Григорьевна, наш музыкальный руководитель, также одна воспитывала сына, а муж был в ссылке,

но, как и все, они жили, полностью отдаваясь работе. Все тогда жили надеждой и верой в лучшее будущее, прекрасно понимая, что и после победы над фашистами жизнь вдруг ни с того ни с сего не станет сытой, легкой и прекрасной, — слишком велики потери. И никогда в обществе не возникало противостояния, разобщенности, наоборот, было понимание, сочувствие, народ был един. И пусть современное поколение позавидует такому единству. Причина проста: зависти не было, все были достаточно бедны. Конечно, не было и абсолютного равенства, начальники имели большую зарплату, и жили они получше, но это естественно и понятно. Но разница несравнима с теперешней. Общая беда только объединяла всех, и мы, дети войны, также дружили, смеялись, радовались жизни, и государство никогда не забывало о детях. Я и мои сверстники пришли в школу в 1942 г. Были продуктовые карточки, хлеба было мало, но на перемене нам приносили горячий сладкий чай и по маленькому кусочку хлеба. Если бы вы знали, как это было здорово, и некоторым казалось, что если хлеб покрошить в чай, то будет сытней, кстати, я относился именно к таким. А глиняные кружки были у каждого ученика. Во 2–4 классах летом нас организовано водили на торфяник, где нашей задачей было переворачивать торфяные кирпичики для лучшей просушки. Это нам очень нравилось, потому что мы были на свежем воздухе, шли через лес, кустарники, где пели птички, высиживали потомство, и нам удавалось даже

полюбоваться их гнездышками с яичками. Мы их никогда не трогали, зная по слухам, что мать может отказаться от птенцов. Кроме различных птиц и их гнезд, были встречи и поинтереснее. Это, конечно, змеи: ужи и гадюки, греющиеся на солнышке, на пенечках деревьев, оно и понятно — вокруг болота. А по сигналу «отбой», забыв про усталость, весело мчались в столовую с криками: «Битки в дверях, гуляш по коридору!» Домой шли сытые и довольные...

Начал говорить об учителях-соседах, но, кажется, увлекся детскими воспоминаниями, уж очень они приятны. А учителя и их семьи были самые разные и по-своему неповторимые, в большинстве своем яркие личности. Вот Соловьева Нина Николаевна — прекрасный педагог, добрая, награжденная орденом Трудового Красного Знамени, жила с двумя дочерьми Верой и Тамарой. Обе они получили высшее образование, удачно вышли замуж: старшая, Вера — за летчика, а Тамара — за офицера-танкиста, ставшего затем классным специалистом на заводе. Тамара Борисовна всю жизнь посвятила педагогической работе. Последние десятилетия вся их семья живет в Среднеуральске. Тамара Борисовна — учитель школы № 5.

Наши непосредственные соседи — Минеевы. Мария Петровна — директор школы в 1935–37 гг. с двумя дочерьми Любовью и Розой, литератор. Она успевала работать и в РОНО, и даже редактором городской газеты. Очень ответственный работник, член партии.

Обращала на себя внимание семья Вознесенских. Ее глава, Александр Лаврович — талантливый литератор. Худенький и подвижный, всегда опрятный и всегда в делах. Жена его, Екатерина Дмитриевна — учительница немецкого языка, очень любила сцену, например, в клубе талантливо сыграла Вассу Железнову. У них было трое детей. Элеонора, Нора (так ее звали) — учитель химии, всю жизнь работала в школах Верхней Пышмы. Мирра, закончившая музыкальное училище, стала музыкантом, и выйдя замуж, уехала с мужем в Румынию. Третий ребенок — Аполлон, очень шустрый, стал летчиком-истребителем, одним из первых пилотов, осваивавших сверхзвук.

Одна из самых ярких и запомнившихся семей в доме — это Ретнёвы, во главе с хозяйкой Вассой Дмитриевной, прекрасным математиком и вообще личностью очень заметной, большеглазой красавицей, как называла ее Любовь Минеева. Ее любили и уважали все: и учителя, и ученики, и родители. Будучи классным руководителем, Васса Дмитриевна, как правило, организовывала театральные представления, ставила спектакли, а в роли артистов — ее ученики. Что может быть лучше для воспитания молодых людей: крепнет дружба, зарождается любовь, и всё это на глазах всей школы. В семье было двое детей: Евгения и Анатолий. Старшая Женя рвалась к сцене, занималась в драмкружке клуба «Цветмет». На сцене пела, танцевала, всю душу вкладывая в искусство. Окончила театральное училище и работала актрисой

театра где-то на юге России. Анатолий после школы поступил в штурманское училище в Челябинске и работал по специальности. В годы войны Васса Дмитриевна приняла в семью эвакуированных из Москвы племянниц Донару и Нину. Ее души и энергии хватало на всех.

Березина Анна Ивановна — химик, я бы сказал, учитель академического плана, очень опытная и знающая, но, на мой взгляд, без искорки. Она жила с сыном Левой, 1927 г. р. Он рано пошел работать, работал на буровой, а во время войны геологи бурили скважины прямо в городе. К сожалению, он сильно простыл на буровой, заболел и умер совсем молодым в 1948 г. Анна Ивановна награждена орденом Ленина.

В своих воспоминаниях я пользуюсь помощью старших: Минеевой Л. П. и Деменева Ф. П., не доверяя только своей памяти, т. к. был едва ли не самым младшим из всех жителей дома.

Олимпиева Клавдия Петровна — учитель младших классов. Двое детей: Нина и Бронислав — Броня, как мы его звали. С Ниной мы еще вместе ходили в детский сад № 5, что находится рядом с теперешним военкоматом. Оба окончили институты. К сожалению, не знаю, где после института работал Броня, а Нина окончила пединститут и работала учителем, а в последние годы перед пенсией она работала в ОблОНО, где мы с ней имели радость встретиться однажды. К сожалению, не запомнил, кем работал муж Клавдии Петровны, но знаю, что он работал в этой же школе.

Семья Горонько. Они жили во втором подъезде на первом этаже. Сам хозяин, Анисим Иванович, работал много лет завхозом в школе, а его жена Мария Николаевна — учитель младших классов, орденосеиц, награждена орденом Ленина. У них было свое хозяйство, а именно корова. Я это запомнил, так как в 1942 г. мама послала меня отнести им картофельные очистки, и очень добрая Мария Николаевна стала угощать меня картофельным пюре на молоке. Тогда я был очень скромным и отказался, но когда я рассказал маме об этом, то услышал от нее на всю жизнь запомнившуюся мне фразу: «Дают — так бери, а бьют — так беги!» При всей шуточности поговорки первую часть я, кажется, принял на вооружение. Посылала мама меня, конечно, специально: время было военное и голодное. У Горонько было два сына: Владимир — старший и Николай, судьба которого оказалась трагичной, он утонул на озере Балтым, на рыбалке. А вот Владимир Анисимович был очень увлеченным физиком человеком с высшим образованием, всю жизнь проработал в Верхней Пышме и внес большой вклад в развитие города.

Семья Кацук. Ее глава — Иван Петрович — учитель физики, погиб на фронте в 1943 г. У него была жена Антонина и двое детей: Юрий и Эля. Оба с высшим образованием. Юра работал на Опытном заводе. Про Элю мне ничего не известно.

Ипатова Мария Павловна — учитель литературы, жила с Дусей, видимо, со своей родственницей.

Ее методика преподавания была очень интересной: для лучшего запоминания и усвоения материала Мария Павловна на уроке предлагала ученикам исполнить роль какого-нибудь героя произведения. Так, при изучении комедии «Горе от ума» мне досталась роль... «отъявленного мошенника и плута Антона Ивановича Загорецкого». Мария Павловна была нашим классным руководителем с 7 по 10 класс. В год 800-летия со дня основания Москвы под ее руководством мы сделали добротный альбом для школы. Среди учителей и учеников она пользовалась большим авторитетом. Кроме того была очень красивой женщиной.

Я надеюсь, что не забыл никого из жильцов 20-го дома по ул. Октябрьской, а если ошибаюсь, то приношу глубочайшие извинения.

Мне остается рассказать о своей семье — семье Демевых. Демев Павел Петрович — глава семьи. Историк, фанатично преданный своему предмету, возможно, был слишком демократичен как учитель в отношениях со своими учениками. В 1941 г. я единственный раз побывал у него на уроке, и у меня сложилось именно такое впечатление. Он так увлеченно раскрывал тему, сопровождая рассказ фотографиями (репродукций) собственного изготовления: героев народных восстаний, героев Великой французской революции, Робеспьера, Марата и др. Фотолабораторию он соорудил в дровянике, что был прямо напротив нашего дома, и проводил там очень много времени (тогда процесс про-

явления и печатания отнимал массу времени, да еще приходилось набираться опыта и в самом фотографировании). Репродукции в увеличенном масштабе Павел Петрович делал с помощью очень ценного в те времена фотоаппарата «Фотокор», подаренного Валентине Петровне за отличную преподавательскую деятельность, видимо, в 1938 или в начале 1939 г. Этим «Фотокором» мы с братом еще успели вдоволь и успешно наработать, пока не приобрели свои «ФЭД» и «Зоркий». Именно Павлу Петровичу пришла в голову прекрасная идея, что молодой школе необходимо уже теперь собирать материалы для будущего школьного музея. Он пользовался большим уважением как среди учеников, так и среди учителей. Должен отметить, что отец был непримиримым атеистом. Я помню, что он был членом «Союза воинствующих безбожников», о чем свидетельствовал весьма массивный значок. Любил и спорт, больше всего лыжи. Я позднее разучивал различные приемы лыжного шага по той же книге, но более успешно эту науку освоил Фридрих, весьма результативно участвуя в городских лыжных соревнованиях, многократно завоевывая призы и кубки, привлекая к себе внимание многих городских поклонниц. Еще Павел Петрович любил шахматы, и к нему нередко заходил Сычев С. В., также историк. Они сидели за столом и пили чай из больших фарфоровых чашек с блюдечками, которые отец привез из Москвы, заочно учась в МГУ в 1938–40 гг. Он также серьезно занимался археологией, изучал места стоянок

первобытного человека в наших краях. А такая стоянка действительно была в районе Исетского озера. И в нашей квартире долго и после войны хранились черепки, собранные на г. Толстик вблизи этого озера. Своим сыновьям он рассказывал и о боях времен Гражданской войны в нашем районе. Так, на месте парка культуры и отдыха в Верхней Пышме он показал нам остатки окопов, и мы нашли даже пару винтовочных гильз. Он старался водить нас с братом на все исторические фильмы. Именно отец сводил нас на фильмы «Суворов», «Григорий Котовский», «Пархоменко». Любовь к истории передалась естественно и нам — детям. В квартире стояли полки с историческими книгами, зачастую довольно редкими и ценными, что подтвердила война с ее голодными временами, когда Фридриху с этими книгами не раз и не два приходилось ездить в Свердловск к букинистам, и историками передавались заказы на определенные книги. Разве в каждом доме стояли, например, гомеровские «Илиада» и «Одиссея» и др. Со своими детьми отец занимался много: во-первых, дети — мальчишки, а во-вторых, Валентине Петровне с утра до вечера приходилось быть в школе, так как она еще была завучем.

Деменева Валентина Петровна — учитель географии, также бесконечно преданная своему предмету. На ее уроках я бывал многократно в военные годы. Это легко объяснить: часто выключался свет в домах, да еще одно время заклеивались окна газетами, и мы с братом нередко готовили уроки прямо в школе. Нам интересно

было сидеть на уроках географии: стояла абсолютная тишина, и еще ученики проявляли к нам интерес. Один девятиклассник, я даже запомнил его — Минула Фатахутдинов, он был хорошим художником и не раз дарил нам свои рисунки, выполненные карандашом. Однажды подарил целую эскадру военных кораблей с линкором во главе. А как был оборудован кабинет географии! На планшетах, висящих почти у потолка на двух стенах, красовались и ковыльные степи, и охота чукчей на тюленей, и Военно-Грузинская дорога, пронизывающая Кавказ и барханы Каракумов, и еще целый ряд прекрасных видов огромной страны. И конечно, свертки карт физических и административных, и нашей страны, и карты полушарий, и карты мира стояли по углам кабинета. Силами учеников в сороковые годы Валентина Петровна организовала выпуск журнала «Юный географ», получалось по 2 журнала за учебный год. Нашлись и художники, и очеркисты. Обложка из ватмана, рамка с замысловатыми узорами, выполненными черной тушью. Такой экземпляр под № 5 1941 г. хранится в школьном музее, художником был учащийся Минула Фатахутдинов, а текст тушью писала Энергия Трошкова. Первоначально идея выпускать журнал с названием «Юный историк» пришла моему отцу, но осуществила на деле именно мама. Она водила школьников в походы в леса, на озера, знакомила детей с природой, различными растениями, внушала, как важно и интересно знать и беречь природу. Мама была в курсе всех

политических событий и требовала от учеников знаний, какая партия в странах находится у власти, фамилии президентов, премьер-министров, королей и т. д. Одним словом, всю жизнь она посвятила школе. Серьезно занималась методической работой, поддерживая постоянную связь с ИУУ, я даже запомнил фамилию инспектора — Бульба, жаль, не помню ее имени. В 1938–39 гг. и 1942–46 гг. мама занимала должность завуча. Пытаясь лучше понять характер своей матери, я заглянул в восточный гороскоп, и оказалось, что она родилась в Год лошади, да не простой, а «огненной лошади». Вероятно, этим и можно объяснить особенности характера. Большинство бывших учеников говорят, что побаивались ее, а ведь она была невысокой худенькой женщиной, которой вовсе не надо было повышать голос, эту роль с успехом выполнял ее взгляд. Будучи завучем, она выручила не одного ученика от исключения из школы за плохое поведение — хулиганство, убедив педсовет, что нарушитель порядка вполне еще исправим, и к этому сама прикладывала в дальнейшем немало усилий. Много времени Валентина Петровна уделяла развитию цветоводства в школе: оформляла клумбы перед школой и разводила новые цветы на окнах в коридоре и своем классе. А вот со здоровьем у нее постоянно были проблемы: еще в начале тридцатых годов она переболела малярией, и термин «хина» — хинин я впервые услышал от родителей, будучи еще очень маленьким. Ее довольно рано начало волновать сердце,

но работа и дети заполняли все ее мысли, и она работала и работала. А в 1946 г. у мамы случился комбинированный порок сердца, она была госпитализирована в областную больницу в г. Свердловске. Посчитав, что дело слишком серьезное, ее даже не стали класть в палату, а оставили в коридоре. Но за жизнь больной сразу стали бороться власти Верхней Пышмы. Неоценимую помощь и заботу проявил, великое ему спасибо и благодарность, председатель горисполкома Широков Григорий Матвеевич, добившийся для нее спецпайка, — она ведь была еще депутатом райисполкома, вела комиссию по народному образованию и работала очень активно. Я помню, однажды совещание проходило поздно, мама взяла нас с братом с собой и, постелив наши пальтишки в приемной (была зима), пошла на заседание. А спецпайек представлял из себя молочные продукты: сливочное масло, сметану, сливки, молоко. Мы с братом по очереди ходили на молокозавод, получали все это и отвозили маме в Свердловск, а ведь 1946 г. был самым голодным из тех послевоенных лет. Но каждый раз она говорила, что не может все съесть, и предлагала поесть нам то сметану, то сливки.

Позднее я понял причину ее «плохого» аппетита, просто мама хотела покормить нас с братом. Выписавшись из больницы, она очень долго была нетрудоспособной, даже чайник не могла поднимать самостоятельно. Друзья ее не забывали: достали пугу с коклюшками и булавками, и она научилась плести кружева. И позднее,

когда мама стала работать, ее платья украшали замечательные кружевные украшения. Постепенно силы возвращались. Лечащий врач Рубинштейн сыграла большую роль в выздоровлении. Валентина Петровна очень ей доверяла и, наконец, вышла на работу. На пенсию мама ушла очень рано — в 56 лет, занявшись, как всегда, в полную силу воспитанием родившихся один за другим внуков. За заслуги перед Родиной она была награждена орденом «Знак Почета», медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», заслужила звание «Заслуженный учитель школ РСФСР». Она удостоена звания «Почетный гражданин города Верхней Пышмы» в 1976 г.

Вот, кажется, я рассказал обо всех жителях нашего 20-го дома в те далекие времена довоенного периода и начала войны. Дом этот в пятидесятых годах был снесен как непригодный для жилья. Но в соседних домах жили прекрасные учителя, о которых нельзя не сказать. Трошкова Прасковья Павловна — литератор, прекрасный человек и педагог, беззаветно преданная своему делу, несмотря на то что ее муж также пострадал от репрессий. В 1938–1950 годах она была директором школы, членом партии. В ее семье было двое детей: старшая — Энергия (Нера) и Геннадий Кузнецовы. Нера принимала активнейшее участие в школьной жизни. Глядя на Неру, невольно поверишь в то, как имя влияет на характер человека. Она из того выпуска, который совпал с началом войны, где учились и Люба Минеева, и Вера Соловьева,

и Лиза Моисеева, и Катя Узенцева. Двум последним довелось поднимать заградительные аэростаты над Москвой в 1941 г. А Неру я запомнил на школьном вечере в честь 7-го ноября 1943 г., когда она вышла на сцену и хорошо поставленным голосом вдруг объявила: «Сегодня нашими войсками освобожден город Киев»! Радости и восторга всех не было предела. Во всем активная, Нера впоследствии увлеклась мотоциклом и лихо могла промчаться по улице и по лесу. Муж был военный, и они несколько лет жили на Дальнем Востоке на границе, где она и освоила мотоцикл. Именно она писала тушью текст статей в журнале «Юный географ». Большую помощь оказала Энергия в пополнении экспонатов школьного музея.

Ее младший брат Геннадий — красивый, спортивный. Не сомневаюсь, что в него были влюблены многие девушки, да и для юношей (в том числе и для меня) он был образцом для подражания. Часто возглавлял туристические походы, и я был рад, когда в 1951 г. он позвал меня в студенческий поход на скалы Семь братьев, и мы начиная с оз. Балтым прошли через оз. Вашты, через теперешний пионерский лагерь «Селен» (тогда там была усадьба лесника) и по высоковольтной линии электропередач с одним ночлегом до Семи братьев. Ночевка запомнилась, так как был июнь, и ночи стояли холодные. Настелив березовых веток, на поляне с едва заметным уклоном, чтобы лежать поплотней друг к другу, улеглись спать, иногда меняясь с крайними, чтобы

не мерзнуть. Нас было пять человек: четверо студентов и я — десятиклассник. Двое юношей и две девушки, такие же студентки: Надежда Лямина и Анна Николаева, и я, помоложе, но мечтающий поступить в горный институт.

И вот перед нами гора Семь братьев с относительно крутым, но достаточно ровным, покрытым лесом склоном. У подножия каменных останцев отдыхаем. Вокруг то тут, то там шныряют полосатые забавные бурундучки — земляные белки. На самый верх всех останцев, по моему, никто не поднялся, ну а я тем более, но от увиденного захватывало дух. Все же насколько прекрасна уральская природа! Но больше всего я восхищался Геннадием, он для меня был прямо эталоном молодого человека, с которого надо брать пример.

Спуск оказался сложнее, до дрожи в коленях. Ночевали на берегу Таватуя. И вот обратный путь по той же высоковольтной. Но когда справа вдали показались скалы Чертова городища, и девушки возымели горячее желание побывать там, Геннадий предложил мне довести их до скал. Я к тому времени уже побывал там дважды и с удовольствием согласился. В руках у меня была буссоль — подарок знатного уральского геолога Лепинского Ивана Васильевича, и мы втроем прошли до скал, полюбовались ими и отправились домой в Верхнюю Пышму через Среднеуральск. Последние километры я шагал, автоматически передвигая ноги: ведь позади осталось примерно 50 км.

Впечатлений хватило на всю жизнь. С Геннадием нас связывал и еще один поход, и совместная работа в поисково-разведочной партии под руководством Лепинского И. В., но, наверное, я не вправе уходить в сторону от темы.

Кузнецов Геннадий — инженер-геофизик, прошел весь Урал с севера до юга и много повидал в жизни.

А Прасковья Павловна прожила довольно долгую жизнь, оставив о себе незабываемую память среди учителей, учеников и их родителей, одним словом, жителей Верхней Пышмы, можно сказать без преувеличения.

Лепинская Антонина Абрамовна — наш вечный любимый и добрый школьный библиотекарь. Спросите любого бывшего ученика нашей школы 40–60-х годов, кто из учителей запомнился ему хорошо и с благодарностью. Уверен, что не ошибусь, если абсолютное большинство вспомнит Антонину Абрамовну, хотя учителем формально она не была. Прекрасный психолог, всегда уверенная в себе, настойчивая и добрая одновременно, она видела, кому какую книгу посоветовать почитать, могла и спросить, что узнал из книги. А некоторые говорят, что она была для них, как мама, беспрекословным авторитетом. Всеми уважаема и любима. Муж ее Лепинский Иван Васильевич — знатный уральский геолог, первооткрыватель многих месторождений. Он в двадцатых годах окончил Свердловский горный институт, знал английский и немецкий языки. Последние годы был начальником комплексной геологоразведочной

экспедиции. Вспоминаю, что в 1951 году Иван Васильевич проводил разведочные работы в районе перекрестка дорог на Реж и Невьянск по Старотагильскому тракту с базированием в деревне Первомайка и, наверное, из дружеских побуждений предложил Кузнецову Геннадию и мне поработать с ним. Кузнецов стал коллектором, а я учеником коллектора. Я был просто счастлив. Шел рядом с начальником и молотком откалывал образцы горных пород. Иван Васильевич диктовал мне описание, я записывал в тетрадь. Для меня была великая польза, я поступил в институт с большим багажом терминов и вообще знаний. Это еще более усилило любовь к минералогии. Это был мой любимый предмет, и экзамен я сдал на отлично. Но я снова вынужден извиниться за отступление от темы. Речь ведь идет о семье Лепинских. У них трое детей: Борис, Галина и Владимир. Старший Борис — энергетик, работал на строительстве Асуанской ГЭС в Египте, потом много лет возглавлял Среднеуральскую ГРЭС. Галина Ивановна работала учителем здесь, в Верхней Пышме. Владимир учился в спецшколе по летному делу, закончил Горный институт, работал мастером на обогатительной фабрике в Верхней Пышме. В военные годы Лепинские взяли на воспитание племянников Валика и Владика, Антонина Абрамовна справилась и с этой задачей достойно. А вот Иван Васильевич в моей жизни сыграл большую роль и как учитель, по жизни в чем-то заменяя мне отца, и как пример в своем отношении к работе,

к специальности. Никогда не забуду его не то что осуждающий, но и не одобряющий взгляд, когда я рассказал ему об уходе из геологии. Но уходил я сознательно, так как в конструкторской работе я видел возможность развития своей технической грамоты как механика, и в будущем не пожалел. К тому же геологоразведка в стране вскоре стала буквально сходить на нет, а я в итоге попал на прекрасный передовой завод — машиностроительный завод им. М. И. Калинина, где смог сделать очередной шаг в своем развитии. Но память о своем наставнике и учителе, уважение и любовь к Ивану Васильевичу я сохраню навсегда.

Три подруги: Валентина Петровна, Прасковья Павловна и Антонина Абрамовна до конца жизни сохранили теплые отношения, старались по возможности помогать друг другу (см. фото, стр. 142).

Не могу не вспомнить еще одного прекрасного человека — учителя немецкого языка Михаэлис Елену Карловну. Она приехала в Верхнюю Пышму, видимо, в 1940 г., когда произошло присоединение Прибалтики к СССР. Муж ее также не избежал репрессий, и она приехала сюда. Позднее, в начале 50-х годов муж освободился, и они снова вернулись в Литву. С ней жила Лиза Моисеева, учившаяся вместе со Светланой Сталиной в МГУ. В совершенстве владеющая немецким языком, требовательная и добрая одновременно, Елена Карловна вела уроки очень грамотно, отсюда и хороший эффект преподавания. По крайней мере, поступая

в институт, к приемным экзаменам по немецкому языку мне не надо было готовиться, и пятерка была обеспечена. Чего мне не хватало в знаниях, так только запаса слов. Мне это помогло при поездке в ГДР в 1983 г. Но словарь немецкого языка со мной всегда. В голодные военные времена наша семья совместно с Еленой Карловной держала козочку по кличке Зинка. В стадо водили мы с братом, а иногда пасли вместе с ней по окраинам. Хорошо помню случай на уроке, когда я, вызванный к доске, никак не мог вспомнить ответ, стою, а вспомнить не могу, молчу... Одноклассники уже сочувствуют, а она говорит: «Подождем, он сейчас вспомнит, он такой». И я вспомнил и ответил. Как не любить такого учителя. Она вела кружки кулинарии и рукоделия.

Сердце подсказывает мне, что нельзя не вспомнить свою первую учительницу, первая — это незабываемо. Это Ефросинья Павловна Попова. Она прекрасный учитель и воспитатель. Нет, не добренькая и ласковая, хотя и ласковая, когда это нужно, но учитель довольно жесткий, чтобы ребенок, придя в школу, понял, что учиться — это всерьез и надолго. В школу я поступил в 1942 г., когда завучем была моя мама, и, конечно, она решала, к кому попадет ее сын. Неслучайно мама определила меня к Ефросинье Павловне, которая была очень строгой и требовательной учительницей. Так, однажды я был удален с урока, когда после устного предупреждения не перестал жевать хлеб. Представляете мое состояние, когда стоя перед дверями класса, я с ужасом ждал,

что может пройти по коридору завуч. А бывали случаи, когда особо расхулиганившиеся школьники «за шиворот» выдворялись из класса. Редко, но и такое бывало. Но все мы ее любили, потому что узнали за 4 года очень многое. Именно от нее мы узнали, что такое ситец и сатин, и чем они отличаются. Это просто как пример, что мы учили не только русский и арифметику. Мы обсуждали и военные события, ведь как раз в эти годы шли жесточайшие бои за нашу Родину. В 4 классе по ее заданию я делал доклад о великом полководце А. В. Суворове. Когда Ефросинья Павловна прощалась с нами по окончании 4-го класса, многие девочки плакали. Вечная ей память. На этом я заканчиваю рассказ о наших прекрасных учителях. Их, конечно, еще много, но я возвращаюсь к своей главной теме — к своим родителям, их отношениям и нашей семье.

Впрочем, я выглядел бы предателем, если бы забыл хоть вкратце напомнить о таких незабываемых учителях, как Соломеин Виталий Матвеевич и Захарова Надежда Филипповна.

О Виталии Матвеевиче сказано и написано много, и это естественно: все, кто его знал, уважали его и любили. Впервые я увидел и запомнил его, когда мне было года четыре (так как именно в 4 года «заработала» моя память). Я пришел в нашу школу, к маме, и сразу увидел ее и Виталия Матвеевича, стоящих в коридоре. Я, конечно, подошел к маме и тут же получил выговор: «А кто будет здороваться?» Я исправился и тут же оказался

в крепких мужских руках. Виталий Матвеевич несколько раз подбросил меня, улыбаясь. А вот теперь я думаю, почему он, по сути артист, стал учителем физкультуры и военного дела? Он как мужчина грамотный и думающий, прекрасно понимал, что рано или поздно война случится, и надо молодых людей по возможности готовить к этому. Сам он по характеру был боец, постарался создать и оснастить спортзал, организовывал турпоходы, военные игры, учил стрелять и бросать гранаты. Одним словом, артист оказался учителем по призванию. А когда и учителя в 1942 г. были мобилизованы, он сразу попал в разведку. С фронта наш учитель писал письма, полные оптимизма. Письма перестали приходить в конце 1944 года. Кто-то из фронтовиков рассказывал, что он якобы ехал на мотоцикле, но неудачно колесом наехал на камень, мотоцикл перевернулся, Виталий Матвеевич, падая, ударился виском и сразу же погиб. Версию эту слышал я от мамы. Великим патриотом был Виталий Матвеевич. Вечная слава ему и всем павшим фронтовикам!

Захарова Надежда Филипповна. Математик, прекрасный педагог, в 1950–52 гг. была завучем школы, вела математику в нашем классе. Строгая, иногда очень, что порой отталкивало учащихся. Очень долго не выходила замуж при наличии многих поклонников, но выйдя наконец, практически сразу уехала по месту жительства мужа в г. Уфу, однако письменно продолжала поддерживать связь со школой.

Скажу пару слов об учителе физкультуры и военного дела Анне Александровне Трошиной. Фронтвичка, командир пулеметной роты, если не ошибаюсь, была в звании старшего лейтенанта. Работала очень старательно, и только отсутствие педагогического образования влияло на качество ее работы, а может быть, участие в боевых действиях, которое зачастую оказывало сильное влияние на нервную систему бывших фронтовиков (далеко не все учителя, вернувшись с фронта, смогли успешно продолжать учительствовать). Это и наложило отпечаток на работу со школьниками. Анна Александровна водила нас в туристические походы. Особенно запомнился поход по местам сказов П. П. Бажова: г. Сысерть, Марков камень, пос. Красная Горка, д. Косой Брод, Зюзельский рудник с экскурсией на шахту и спуском в выработки, Азов-гора, г. Полевской, ст. Мраморская, г. Свердловск. Незабываемое многодневное путешествие. Любила учить нас хорошо стрелять — тир был нашим постоянным местом занятий, часто устраивались соревнования. Мы ее уважали и ценили.

И еще необходимо вспомнить нашего учителя физики — Ушакову Валентину Никаноровну. Вот что рассказывает о ней моя одноклассница Шубкина (Самохвалова) Тамара Ивановна: «Мы любили своих учителей за высокий профессионализм, требовательность и доброту, уважительное отношение к детям. Они жалели нас, детей войны, многие отцы ушли на фронт и не вернулись, мужья некоторых были репрессированы, а мы

сочувствовали этим семьям и вдовам. Все учителя были по-умному строги и добры. Валентина Никаноровна — учитель физики, молодая, хрупкая, очень скромная и застенчивая, доброжелательная к ученикам, никогда не упрекала нас за детские шалости, прощала нам дерзости, которые мы порой допускали. За человечность и доброту, понимание еще неокрепшей детской души мы будем помнить ее всегда».

Я не могу да и не хочу перечислять всех учителей, работавших в школе в наши годы. Мнение любого из нас субъективно, также и мое, поэтому я говорю о тех, кто произвел на меня большое впечатление. Так, не могу не вспомнить Старкова Федора Васильевича, который вел у нас историю в 10-м классе. Он пришел в школу из горкома КПСС, где возглавлял отдел пропаганды и агитации, но, вероятно, попал в опалу и пришел в школу, по моему мнению, как нельзя кстати. Высокообразованный, человек высокой культуры, истинный историк, прекрасно разбирающийся и в истории СССР, и в мировой истории. В это же время в течение целого ряда лет Федор Васильевич занимал должность директора школы (1952–57 гг.), потом возглавлял интернат в Верхней Пышме, а затем успешно работал директором одной из специализированных школ спортивного направления в Свердловске.

Я возвращаюсь к своей семье, чтобы лучше понять, как развивались отношения между родителями. А это письма, в основном отца к матери, когда он уезжал

куда-либо, или она уезжала на курорт, а он был дома и занимался работой и воспитанием детей. Судя по всему, молодые учителя быстро освоились в школе и завоевывали авторитет, всецело отдаваясь работе. А в выходные дни занимались приборкой в квартире или, как многие пышминцы, шли всей семьей на природу. Так, в летнее время любимым занятием жителей поселка были походы в лес за грибами, или просто отдых с гамаком на лужайке в районе Маниной горы, или, если этому сопутствовала погода, ходили на Ключи в самых верховьях реки Пышмы. Нам, еще совсем маленьким, очень нравились эти походы. Представьте небольшой пруд, образованный плотиной на реке, усеянный белоснежными лилиями и желтыми кувшинками в окружении камышей, так привлекающих своими коричневыми пушистыми головками. Родители брали белье для стирки, так как там было удобно и стирать, и полоскать. Бывало, летом в гости приезжала сестра Валентины Петровны — Зинаида с мужем и дочкой Генриеттой.

МГУ им. М. В. Ломоносова

Со временем Павел Петрович понял, что ему необходимо повышать квалификацию, и он поступил на заочное отделение истфака МГУ. Вот как встретила столица человека, впервые оказавшегося в Москве.

1938 год. «Привет из Москвы! Дорогие мои, Люся, Фрида, Юра, Зина, Вася, Гета, вчера в 7.30 м. вр. приехал в Москву и думал, где мне ночевать. На вокзале можно оставаться только до 2-х ч. ночи, номеров свободных для ночевки при вокзале нет. Знакомых, где бы можно переночевать, нет. У Сергея Васильевича не знаю адрес в общезитии МГУ. Решил искать гостиницу: в «Москве» сказали, что есть номер на двоих за 60 руб. Ушел. В «Национале» (для интуристов) дали за 24 руб. до утра. Согласился. Пару слов о дороге. Сел на поезд удачно, благодаря договоренности с носильщиком, занял 2-ю полку для лежания. Успел, иначе бы заняли, и пришлось бы спать сидя или на 3-ей полке в духоте. Носильщику пришлось заплатить. Ехали с открытым окном из-за жары. Лежал головой к окну и, конечно, пыль вся на меня. Стоит провести рукой по голове — и ты, как трубочист. По этой причине, придя в номер, попросил душ. Через несколько минут

приготовили ванную с душем, в какой я никогда не мылся и не видывал, а читал только в романах про буржуев. Позвонил из номера официанту, заказал 2 чая и венскую. Принесли через 15 мин. Это стоило 3 руб. 60 коп. Чай очень вкусный, да еще по 3 куска сахара на стакан, а венская подогрета. Утром принял полудуш из-под крана умывальника. Заказал такой же завтрак плюс одно яйцо. Стоило это 5 руб., но сахар подали отдельно, так в чай положил по кусочку, а остальное прибрал про запас. В комнате письменный стол, на столе телефон, чернильный прибор, настольная лампа. У стола 2 кресла, на полу ковер, гардероб — шкаф, одним словом, как в раю. Только дорого. Сейчас сдаю ключ, рассчитываюсь и иду в МГУ. Пока всё, мои дорогие. Целую, ваш Павел и папа. Мой адрес: Москва. Центр. Моховая, 11, МГУ им. Ломоносова, заочный университет, истфак, заочнику 1 курса».

А в августе 1939 г. Валентине Петровне, понимая сложности со здоровьем, дают путевку на курорт в Крым. Но она не только лечилась. Она постаралась познакомиться со всеми достопримечательности Крыма. Ялта, Ботанический сад, Ливадия, Ласточкино гнездо, Воронцовский дворец, Бахчисарай, Ай-Петри, Алупка, Артек у подножья Аюдага и пр. Теперь она увидела субтропики своими глазами и знала, как рассказывать ученикам о них. По крайней мере, я, послушав ее рассказы, размечтался там побывать и через много, много лет, оказавшись в Ялте, в первую очередь почему-то поспешил в Ботанический сад.

Мне кажется, она была самой счастливой в тот год. Она постоянно пела популярные тогда песни: «Катюшу», «Тайгу золотую» и др. при глажении белья и приборке. В тот год отец из-за маминого отдыха не смог поехать в МГУ, занимаясь нами — детьми, но время даром не терял. Вот отрывки из его письма жене.

15 августа 1939 г. «Здравствуй, дорогая Люсенька! Проводили тебя 8-го, а 11-го получили уже твою вторую открытку. Живем благополучно. Ребята ходят в садик, только Фриде уже надоело, да и научились они там кой-чему лишнему, особенно Юра — начинает «мать» поминать, правда, должно быть, не понимая, что сие значит, лопочет про себя. Я, конечно, приложил все свои старания убедить их во вреде этого (без угроз, ни разу их не чикал). И это, кажется, помогло, правда, опять что-то Нину Олимпиеву кулаками наколотил до слез. Фриду записал в школу. Наш распорядок. Встаем в 7.30, только Юра перед утром сходит на горшочек и ко мне прикатит, иногда я даже не слышу, как сегодня, т. к. я уснул около 3-х часов, все практиковался в увеличении фотографий. Дети собираются и, взявшись за ручки, отправляются в садик, одев джемперики и пальтишки, потому что дождит и холодно.

Прасковья Павловна мне сказала, чтобы я готовил свой материал на выставку, так я каждый день хожу в школу, за это мне обещали доплатить. Ну и занимаюсь фотографией, я это дело очень полюбил. Обедать хожу в столовую, можно поесть хорошо на 4,50 руб. Готовят вкусно: суп мясной или борщ на первое и котлеты,

гуляш или каша на второе, ну и хлеба 200–300 г. Теперь стал брать по 500–600 г., чтобы не ходить в магазин, там всегда очереди. В пятом часу приходят ребятки из садика, играют на улице часов до 8-ми, если погода хорошая, а я через день увеличиваю фотографии, у меня в плане овладеть техникой фотографирования в полном объеме. Вечером пьем чай со сгущенным молоком, ребята все больше просят какао. Только сегодня кончилась халва. Чай пьем с хлебом с маслом, иногда даю по яичку всмятку или консервы — лецца. По выходным ходим в столовую. Ежедневный расход около 12,75 руб.

Районо мне дал заказ сделать твой портрет, посылаю тебе из первых образцов. Одним словом, набиваю руку. Ну, миленькая, пока, желаю тебе отдыхать и успешно лечиться. О нас не беспокойся, справимся. Крепко целую тебя, твой Павел.

P. S. Юра теперь каждый вечер моет посуду, даже Фриде не дает. Посуда теперь вся чистая, и не запускает. Лечи все, что можно лечить. А школа перестала называться 23-ей, теперь мы школа № 1».

20 августа 1939 г. «Милая Люсенька, хорошая. Получил от тебя четвертую открытку, а пишу тебе лишь второе письмо. Дело в том, что отправив ребят в садик, к 9-ти часам ухожу в школу и там безотрывно копаюсь над материалами к выставке, знаешь, сколько уходит времени. А материала взял очень много. Да еще на экзаменах приходится сидеть. Схожу пообедаю, встречу ребят и опять в школу клеить свои монтажи. А вечером,

накормив ребят, занимаюсь увеличением фотографии — твоего портрета с последнего снимка, качество получается удовлетворительным, но для выставки не пойдет. Ложусь поздно, но не устаю, сил много после отпуска. У Фриды 23-го выпускной утренник. Он очень доволен, что я ему купил портфель, пенал, ручку, карандаши и дал 2 тетрадки в косую линейку. Каждый день, будучи дома, ребята рисуют, пишут, переводят картинки. Купил масла, через день ребят кормлю яйцами, так что у нас все в порядке, не беспокойся. Вышли на работу Ретнёва и Ипатова. Тимона Никифоровича перевели в инспекторы Районо. Они переезжают на квартиру Рогожкина, а он выстроил свой дом. Получил от мамы письмо, очень благодарны за посылку. Пиджак отцу очень кстати. Пошлю тебе твою последнюю фотографию, ее просили сделать для занесения в Книгу Почета. Ну, родная, кончаю, будь спокойна, лечись вовсю, за нас не беспокойся, скучно без тебя, но дождемся. Крепко целуем тебя, твои Павел, Фрида и Юра. Ребята спят, сегодня я лягу раньше, что-то я быстро стал писать».

А в 1940 г. отец снова поехал в Москву в МГУ, чтобы продолжить учебу. Привожу выдержки из его письма. «Здравствуйте, мои дорогие! Живу ничего, опять там же, где жил в 38-м летом, опять в студенческом городке на Стромынке (Сокольники). Стоит сильная жара. Каждое утро обливаюсь с головой прямо из-под крана. На занятия ездить 35 мин. Доклад написал и уже сдал, записал целую общую тетрадь, что-то мне за это поста-

вят? Учеба приносит мне большую радость, т. к. дает полноценные знания».

А в это же время в Москве в госпитале лежит брат Павла, Евгений, с переломом правой руки ниже локтя. Будучи в отпуске, он приехал в Звереве, где жила вся семья. Отец Петр Павлович болел и лежал в больнице в селе Рябки — районном центре. Отец тогда был председателем колхоза, а колхоз в те годы занимался коневодством, и, конечно, у председателя был прекрасный конь — племенной жеребец по кличке Гайдамак. Отца надо было навестить, и вот запрягает Евгений Гайдамака в двуколку и едет в Рябки. Представьте себе, Евгений — курсант командирских курсов. Молодой, статный, красивый, и конь также молодой и резвый. Возможно, сказался недостаток опыта, или конь испугался чего, но вдруг «понес». Бричка опрокидывается, Евгений падает на землю и ломает руку, очень неудачно. И снова Москва, но уже госпиталь. Павел Петрович дважды навещал брата, а госпиталь — один из лучших в Москве. Есть надежда на успех.

«Прослушал курс лекций по этнографии, а вчера замечательный доклад о международном положении. Докладчик — профессор академии воздушного гражданского флота, такого нигде никогда не напишут. Приеду, расскажу. Видел Сергея Васильевича. Говорили много и хорошо. Он работает в средней школе где-то в Московской обл. У Жени был два раза, а пускают только по вторникам. Чувствует себя хорошо, руку не больно, хрящи

срослись, но кость никак не срастается: между сломанными концами попал кусочек щебня побольше сантиметра, снова хотят операцию делать и кость сшивать. Госпиталь, где он лежит, один из лучших в СССР. Женя много читает Толстого и Горького. Сходил в баню, она хотя и старая, но помыться приятно: хороший душ, подают полотенце, помогают развернуть белье, взвешивают, я около 60-ти кг. Купил билет, хотя и с большим трудом, на 14.07, прибыв на Казанский вокзал на такси около 4-х утра. Вместе с постелью 72 руб. Кое-что еще осталось, так купил тебе панамку, не знаю, понравится или нет, да 2 рубашки тебе и Юре свитерок, а для Фриды нет размера. Купил детских чулок 4 пары, дают только по две, а также конфет и мыла банного и туалетного. На еду в день уходит 15–20 руб. Но стоит жара, и каждый день беру окрошку за 2,80 руб. Постоянно приходится пить воду. А вы отдыхайте лучше, ходите в лес с гамаком. Соскучился я о вас. Ну пока все. Ваш Павел и папа».

Когда отец приехал, больше всего мы радовались подаркам, а среди них — конфетам, они оказались из Латвии с необычно яркими фантиками, каких мы никогда не видели.

Армия

Больше отец в Москву не ездил, наступали другие времена. Брату Евгению он написал письмо, где советовал в случае демобилизации поступать в какое-нибудь высшее учебное заведение для получения какой-либо специальности.

Отец пишет Евгению, что еще увлекся археологией и, приехав на электричке на ст. Исеть, на берегу Исетского озера на склонах г. Толстик на месте стоянки древнего человека, жившего около 4-х тыс. лет назад, раскопал и нашел черепки, кости человека — коленную чашечку. Но уже темнело, и надо было спешить к поезду. Позднее Павел Петрович еще не раз бывал на раскопках, и у нас дома

*Деменев Павел Петрович.
Август 1941 г.*

скопилось немало подобных находок, возможно, часть из них оказалась в школе.

Невдалеке от бани, куда водил нас с братом отец и где учил нас правильно мыться, стоял (а он и сейчас еще стоит) магазин с традиционным названием «беленький». Небольшой, но всегда популярный, так как на Медном руднике магазинов было, как говорится, раз-два и обчелся. Так он однажды загорелся, и при тушении немало продуктов подмокло, и в том числе толокно в пачках, с овсяными колосьями на упаковках — оно прекрасно шло как детское питание. Подмокшее толокно стали продавать очень дешево, и родители купили довольно много, еще не зная истинной цены этому продукту в будущем, когда после ввода продуктовых карточек с хлебом и мукой стало совсем не сладко. Это толокно, лежавшее без дела, вдруг превратилось в прекрасную муку, хоть и с оговорками, не сравнишь же овес с мукой-«крупчаткой».

Но пока жизнь шла нормально, и 22-го июня — это было прекрасное воскресенье — наша семья, как и многие семьи, собиралась идти на Ключи. И вдруг радио вмиг и на многие годы все изменило: началась война. Никуда мы не пошли. Пришли соседи и за чаем стали рассуждать: что делать, что и как будет? Мужчины, конечно, стали говорить, что пора собираться на войну, а женщины с улыбками пытались утверждать, что такие старики там не нужны. Действительно, на учителей была наложена бронь, но в 1942 г. бронь была отменена,

учителя-мужчины были мобилизованы, и 8 учителей из школы в марте отбыли в армию.

За день до ухода вся семья ходила в школьный буфет что-нибудь купить в дорогу. Я запомнил, что в сумку складывалось много-много венских булочек, что-то около 20 шт. Шел 42-й год, и булочки были серые, но, конечно, безумно вкусные. В первом же письме домой отец написал: «Спасибо Любове Федоровне, я все еще, благодаря ей, понемногу балуюсь ими». Службу он начинал на Гореловском кордоне, 32-й городок, это юго-запад Свердловска, там и располагался полк. Он и сейчас там же, и в этом полку в конце 60-х и начале 70-х годов я проходил военную переподготовку командира взвода зенитной артиллерии. Еще отец писал: «Как непривычно для меня: я — красноармеец, ведь для меня это была недосыгаемая честь, и вот это свершилось. Здесь будут готовить из нас командиров стрелковых отделений. Берегите свое здоровье, это для вас самое главное. Обо мне не беспокойтесь, я вполне здоров и не менее других вынослив, чтобы выполнить свою священную обязанность — защищать Родину и ваше счастливое будущее».

29 марта 1942 г. «С сего дня я являюсь уже настоящим красноармейцем — сейчас принял присягу, т. е. дал торжественную клятву честно исполнять все уставы и приказания командиров и не щадить своей крови, а если будет надо, то и своей жизни для достижения полной победы. Родная Люсенька, когда я вернулся со свидания с тобой, я был очень недоволен собой —

какой я эгоист, забрал у тебя все, что ты принесла: и сухари, и хлеб, и молоко, ведь это ваш паек. В следующий раз не вздумай идти пешком, это ведь 15 км не считая трамвая. Фридушенька и Юра, понимаю, что вы хотите меня увидеть, но и мое желание не меньше, но сейчас не то время. Знаю, что вам трудно без меня, но тут уж Гитлер виноват, собака. Вот разобьем его, тогда постепенно жить еще слаще и лучше будем, а пока будьте крепки выносить все и без папы. Мама пишет, что вы вечерами сидите одни и не боитесь, это хорошо, мои родные, привыкайте не бояться ничего и никого. Не шалите, а рассказывайте друг другу чего-нибудь. Папа сейчас тоже привыкает ходить ночью в наступление на врага, подкрадываться к нему; а враг ведь стремится убивать нас и сильно стреляет по красноармейцам. Сегодня мне выдали настоящую винтовку, люблю ее и ухаживаю за ней, чтобы она у меня не ржавела. А еще детально изучил самозарядную (10-зарядную). Пишите мне, ребятки, что вы делаете, что кушаете, как себя чувствует мама, как у всех вас здоровье? Родная Люсенька, мне, конечно, очень приятно было, когда ты ко мне приходила, и я был бы очень рад, если бы еще пришла хоть один раз, хотя знаю, как это тебе тяжело. Нас, кажется, выпустят к 1 мая. Мне еще дали работу редактора стенгазеты. Ну пока все. Собираемся в ночную атаку. Ваш папа».

10 апреля 1942 г. «Здравствуйте, мои родные, милые Люсенька, Фрида и Юра! Простите, что долго не писал, как-то не собрался. Люсенька, ты, наверное, после похо-

да ко мне простудила и натерла ноги, сильно надавила плечи и домой затемно пришла. Как у вас питание, и ходишь ли ты в столовую? Чем кормят, и что сами готовите? Нам на днях выдадут летнее обмундирование. Родная, если еще ко мне пойдешь, не забудь принести иголку, ложку алюминиевую и шнурки черные крепкие, т. к. обуваться надо быстро. Я этому уже научился, но один шнурок уже порвался. Крепко целую. Ваш папа».

26 апреля 1942 г. «Здравствуйте, мои милые родные Люсенька, Фридушенька и Юра! Получил от вас письма и две венские с И. П. Кацук. Знаю, что вам, как и мне, досадно, что Иван Петрович приходил домой, а я нет, наверное, проситься не умею. Да мне и самому в этом костюме не очень хочется. Сегодня опять работали на том же заводе и грузили ту же продукцию, нагрузили гостинцев для немецких гадов. Заявление все же написал на 1-е мая, лейтенант не отказал, но и не пообещал. Так ты, Люсенька, пока не ходи ко мне. Как результаты обследования школы? Кажется, все изменяется, вероятно, нас более ускоренно выпустят, составляются списки личного состава, куда-то переводят, видимо, до окончательной отправки. Фридушенька и Юра, вам достал пулю бронебойную и простую. А Софья Палеолог — это греческая царица, жена Ивана III.

Люсенька родная, береги свои силы и здоровье основательно, чтобы их хватило, может быть, и одной вырастить ребятшек и поставить их на ноги. Если будешь завучем, нанимай кого-нибудь на все трудные работы. Кончаю, Павел, привет всем».

На фронт

3 мая 1942 г. «Здравствуйте, мои родные! Пользуюсь возможностью посылать записки вам. Вчера выдали летнее обмундирование и повели в баню. Сегодня мы еще здесь, а завтра нас повезут, думаю, что не сразу на фронт. Уже распределены по вагонам. Мы с Иваном Петровичем Кацуком в одном взводе и отделении. 4.05. Сегодня был в карауле. Обещают сводить в кино, а ночью повезут на вокзал. Пока все. 5.05. Привет от вашего гвардейца (об этом нам сегодня объявили). Грузимся в вагон. Целую, ваш Павел. 6.05. Выехали ночью, едем на Молотов (Пермь), значит, в ленинградском направлении, а мне хотелось на южное или на юго-западное направление, но лейтенант пояснил, что на Западный фронт. Едем в пульмановском вагоне с трехэтажными нарами по 8 чел. на полке. На ужин дали по 200 г хлеба и кипяток с кирпичным чаем, который в изобилии. А сегодня на завтрак дали 400 г хлеба и по 80 г селедки (очень вкусная) и по 35 г (это столовая ложка) сахарного песка. В Молотове будет горячий обед. Завтра вместо хлеба дадут по 400 г сухарей. Читаем вслух газеты, военные худ. брошюры. Читает И. П. Кацук, он

у нас агитатор. Спим с комфортом, кто сколько хочет. Настроение бодрое. Ну пока все. Ваш Павел. 8.05. Ночью проехали Молотов, был хороший обед, дали 300 г хлеба. На больших станциях предусмотрены горячие обеды. Теперь будет в Кирове, дали еще по 400 г сухарей. Сухой паек — это: хлеб или сухари, чай, сахар, кроме того на 3 дня по 360 г селедки и по 1 банке консервов. Едем медленно. Крепко вас целую. Фрида, смотри, чтоб у тебя дисциплина и успеваемость были отличные и у Юры тоже. Будьте смелыми, не робкими, берегите маму, помогайте ей. Ваш папа».

16 мая 1942 г. «Здравствуйте, милые Люсенька, Фрида и Юра! Это, вероятно, последние письма с дороги к фронту. Вчера проехали Ярославль, ночью. Видно, что город большой, старинный, растянувшийся далеко от станции ж. д. В 5-й раз нас накормили обедом, правда, до столовой шли часа 2 под дождем — намокли, но обед, а особенно хлеб, был очень вкусный — полупшеничный. Каждый раз за обедом думаю, что вы не можете получить такой же хороший. С радостью обменял бы его на вашу лапшу, только количеством побольше раза в 2, а мой бы вам. Вечером выстроили у вагонов и объявили, что въезжаем в угрожаемую с воздуха зону. Потом залегли спать на свои нары и в густых облаках табачного дыма и испарений от промокших шинелей долго распевали песни, сначала старинные русские, а потом современные, закончили «Москвой», ну а после ряда очередных крепких ругательств заснули. Что-то бессонница

нашла на меня, ну и, конечно, мысли всякие, больше о том, «что день грядущий мне готовит», о возможностях будущей гражданской деятельности, если суждено, о вас, родные мои. Сегодня утром проехали Рыбинск, теперь едем, полагаю, на Бологое. Чем ближе к фронту, тем лучше кормят, кроме сухарей и хлеба дают сахара и по 40 г колбасы и по 130 г соленой щуки. Приходится привыкать есть 2 раза в сутки: утром с завтраком половину, а вторую половину чай с пищей, итого 650 г хлеба, а аппетит еще бы на полстолько. Проезжаем места, где уже были бомбежки. По бокам дороги видны воронки, а бывает, и товарные вагоны колесами вверх, вернее, их остатки. Крепко целую вас всех, ваш папа. Привет знакомым».

18 мая 1942 г. «Еще одно письмо ближе к фронту, км в 150 от передовой. От Бологого едем, скорее всего, к Осташково. Здесь дыхание войны: окна без стекол, разрушенные стены и крыши, а где так одни трубы торчат, часто воздушные тревоги и воронки вдоль ж. д. метров 5 и даже 10 в диаметре. А вчера у нас была радость: водили в баню. Привели к замаскированному месту, думаем, какая-нибудь дрянь, но жестоко ошиблись, это оказалась баня-поезд, прекрасно оборудованная, лучше, чем в Свердловском санпропускнике: и парилка, и моечное отделение с небольшими тазиками, с мочалками, душевое отделение, где не жарко, место для раздевания, одеваания. В другом вагоне клуб и парикмахерская. Поезда построены ивановскими вагоностроителями и Перм-

ской ж. д. Мы так благодарны им, ведь 12 суток валялись на пыльных нарах. Правда, мы здорово проголодались, а есть-то нечего. У меня от утра вчера оставался сухарь, так мы с И. Л. им воспользовались, а потом выдали по 500 г хлеба и суп-пюре гороховый концентрат, сою на троих одну пачку. Сделали на костре прекрасную тюрю — полный котелок и наелись, вместо чаю холодной воды с сахаром. Я был за главного кочегара, уже 2-й раз. Навстречу попадают иногда поезда с теми, на смену которым мы едем, с ранеными, больше с левой рукой. Погода прекрасная уже 2 дня, настроение бодрое. Вот так пока и живем. Ну, крепко вас целую, мои милые Люсенька, Фрида и Юра. Ваш папа».

26 мая 1942 г. «Здравствуйте, мои милые, драгоценнейшие! Долго не писал, т. к. не было условий. Шлю, вероятно, последний привет с пути на фронт. Совершаем более чем 250 км пеший переход. Только успел вам отправить последнее письмо с поезда, как вскоре нас выгрузили в ночь, выдали сухой паек на три дня: по 400 г сухарей на сутки, по одной пачке на двоих концентратов и 1 банку тушеного мяса. Дойдя до г. Осташкова, дневали и получили продукты на следующий этап пути на 5 дней, здесь паек дают уже по фронтовой норме из расчета 500 г сухарей (или 800 г хлеба), сала по 35 г на день, пшена 160 г, столько же, как в прошлый раз, консервов, таких хороших, сахару и табаку почти 2 восьмушки (рассыпной или махорки), которые я храню, как ценнейшую валюту на всякий случай. Этот паек гораздо

лучше, чем был, ведь на первом этапе пути я позволил себе израсходовать свой, еще домашний Н.З.: банку твоих рыбных консервов и в самый трудный момент сумел купить 3 стакана клюквы по 5 руб. стакан. А теперь после Осташково на 2-м этапе пути я уже обхожусь без всяких добавок и сумел организовать свое питание лучше других: по 8–9 сухарей да пол-ломтя булки хорошей белой. Все остальное с Кацуком у нас на пару (кроме сахара). Сами готовим обед на привалах. Из 8 дней пути почти все время идем на расстоянии 7–12, иногда 50 км от фронта. Ежедневно слышна артиллерийская и минометная канонады, иногда пулеметная стрельба, так что о фронте уже имеем представление по слуху и из рассказов, идущих с фронта. Идем часто ночами, а в хорошую погоду это роскошь, днем очень опасно: вражеские самолеты часто летают над нами, и приходится прятаться в лесу. Немцы усиленно бомбят наши коммуникации, поэтому ведь мы и идем пешком. Ночуем под открытым небом в шалашах из еловых веток. Я к этому уже привык, и ночью почти не холодно. Втроем с Кацуком и одним казаком лежим, плотно прижавшись друг к другу. Костер разрешается только до темноты, да и то не всегда. У нас еще три дня пути до фронта. Крепко целую, ваш папа».

Северо-Западный фронт

5 июня 1942 г. «Здравствуйте, мои милые родные Люсенька, Фрида и Юринька. Мои хорошие, шлю вам привет с Северо-Западного участка фронта. 30-го мая наш пеший марш закончился. При разбивке по частям я зачислен в хим. подразделение вместе с Моровым, а И. П. Кацук устроился писарем в учебном батальоне нашей дивизии, так что мы с ним на всякий случай попрощались. Сейчас моя служба, пока враг не применяет О. В. (отравляющие вещества), будет, кажется, не очень трудной, не такая, как у стрелка-пехотинца, правда, мы тоже не едим. Стоим лагерем вблизи от передовой. Редко вблизи разрываются немецкие мины, или пролетает вражеский самолет-разведчик в хорошую погоду. Пока нас не бомбили. Говорят, из нас будут готовить хим. инструкторов. А пока, установив приспособление для дегазации, строим для себя убежище и окопы, баню-землянку для себя, моемся и стираем белье свое. Часто приходится стоять в карауле патрулем, один раз уже отстоял. Выдали винтовку и противогаз. Много времени отнимает варка пищи. Продукты получаем хорошие: макароны, консервы мясные, селедку, масло разное, хлеб, сухари.

Я тут научился варить борщ прекрасный, заправленный крапивой, щавелем вместо овощей. Каждый день и ночами слышны на передовой сильные бои, грохот немецких минометов, нашей артиллерии, изредка залпы «Катюш», бомбардировки с самолетов. Многие пришедшие с нами стрелки уже выбыли из строя. А мы пока живем трудовой жизнью. Многие у нас охотятся за немецкими самолетами, один раз попробовал и я, но высота большая. Так я и живу пока. Пусть ребяташки оба мне напишут, отчитаются об успехах в школе и опишут свою жизнь. Крепко вас целую, временно исполняющий должность бойца-конюха. Ваш папа. По получении моего письма пишите по адресу: действующая армия, военно-полевая почта 1420/25, красноармейцу Деменеву П. П.»

26 июня 1942 г. «Здравствуйте, мои милые, родные, хорошие Люсенька, Фрида и Люленька! Фрида, не обижайся, что называю не как Юру, я так привык, а люблю вас всех троих одинаково очень сильно, да ты ведь у нас и старший помощник маме. Сегодня у меня самый подходящий день писать письмо и вообще для личных дел, т. к. нахожусь в карауле сторожем в старом нашем лагере на целые сутки, а вечером и ночью снова на работу по постройке блиндажей для лаборатории. В наряд ходим через день. Работать приходится много: и землю копаем — окопы, строим палатки из веток, бомбоубежища, иной раз и каменщиками. Одним словом, мы во втором эшелоне. Постоянно слышим стрельбу, но пулеметные очереди до нас не долетают, а мины и снаряды, бывает,

перелетают. Немецкие мины воют, а когда наши батареи заговорят — рывкают, бухают, рыкают, то немцы замолкают. Не все мины разрываются, один бывший в плену рассказывал, что немецкие рабочие иногда, сочувствуя нам, кладут песок вместо заряда да еще и записки, бывает, кладут: «Чем можем, поможем». Местность болотистая, много мелких валунов. Лес: ольха, береза, ель, сосна, ива. Малинник и черничник. А невдалеке протекает река Ловать (Фрида, вспомни путь «из варяг в греки»). Заканчиваю, надо еще поспать, побриться (бреюсь редко), подремонтировать гимнастерку, сварить обед, умыться. Меню сегодня такое: завтрак — 6 утра, пшенный суп, приправленный крапивой, лебедой, пиканами, крошками от сухарей и комбижиром, еще с последним свердловским перцем. Обед будет: суп из 1/3 банки мясной тушенки, приправленный пшеном, двумя маленькими картошками, добытыми случайно еще в походе в одной деревне (редкое событие), немного крапивы, раскрошенными сухарями. Ужин предполагаю пшенную кашу с комбижиром и искрошенными сухарями с сахаром, т. к. соли нет. Вот и все, дорогие мои. Крепко целую. Пишите, очень жду. Почта от нас далеко, и за ней ходят редко. В подходящие минуты смотрю на две взятые с собой фотографии: ты, вырезанная из общей, на празднике школы в день учителя и мы с ребятами».

26 июня 1942 г. «Ваш папа теперь «бабай».

В первых числах июля пришло письмо с фронта, но не сохранился первый лист, и потому нет даты...

«Кажется, я неплохо закалился: спать на улице под шинелью на сухой земле да еще с подстилкой веток и травы считаю таким же удовольствием, как и на кровати, только не дома. Даже к дождю привык, но когда без счету раз простоишь под дождем на посту ночью, то приятно мало. Но недавно мне дали плащ-палатку из непромокаемой ткани, так я теперь богатый человек. Погода улучшилась, наладился подвоз продуктов, и жиров дают достаточно: комбижир, сало иногда растительное и даже баранье сало, коровье, а то и соленое свиное, а часто и мясные консервы — баночку на троих на день с салом. Правда, не всегда употребление сала оказывается удачным. Т. к. над нами часто летают немцы и бомбят и строчат из пулеметов, нам разрешают жечь костры рано утром или поздно вечером, а работа тяжелая — строим блиндажи, так я однажды напился холодной воды, и скрутило желудок — пятый день лежу в санбате».

16 июля 1942 г. «Наконец дождался от вас писем. Здравствуйте, мои милые, хорошие, родные! За это время несколько раз сменилось наше расположение. Обострилась военная обстановка. Немцы пытались наступать и заняли одну деревню, наши ее отбили и еще одну освободили. Очень рад, что у вас все благополучно. Особенно молодцы за грядки в огороде, только смотрите, чтобы картошка и овощи не сгнили, — убирайте своевременно. Спасибо за любовь и заботу, надеюсь быть достойным ее, а наказ вам — сохранить стихотворение о любви до меня. Обо мне не скучайте, только не забывай-

те. Люсенюка, конечно, было бы лучше, если бы ты освободилась от завучества, и если бы вам удалось недельки на 3 уехать в деревню. Хорошие ребята! Поздравляю вас: Юру с началом школы, Фриду с переходом в 4-й класс. Очень рад, что у Фриды кругом отлично, но писать надо лучше. Спасибо, Фрида, за помощь маме. Юринька, и ты привыкай помогать маме, в школе отлично учишься, будь дисциплинирован. Будь хорошим товарищем. Никогда не хнычь, не обижай никого, но и сам учишься постоять за себя. Ребята, растите крепкими, здоровыми, смелыми и сообразительными, слушайте маму. Крепко всех вас целую. Ваш папа. Со мной никого нет медновских кроме Морова. Савченко в штабе дивизии был в караульной службе. Привет учителям, Лебедеву и др. нашим».

4 августа 1942 г. «Родные мои, простите, что долго

Из фронтовой газеты

не писал. Меня для лечения эвакуировали в числе других дальше в тыл км на 70. Обратно в роту вернулся лишь 28-го, шел пешком. А письма писать не на чем. Вот на твоём письме на свободном месте и пишу. На фронте пока изменений нет. А мы снова строим баню, в первый раз работал в противоипритном костюме. Меня очень беспокоит, что ты очень активно участвуешь в заготовке дров, не забывай о своём сердце, оно же в прошлом году капризничало. Как повлиял пионерлагерь на Фриду? Юра, ты привыкай к труду, иначе тебе жить будет тяжело. Хорошо, что веселый, но чтоб это делу не мешало. Родная, ты пишешь, что скорее бы домой, но война неумолима, Гитлер захватывает самые жизненные центры, его надо бить ещё крепче: победа или смерть. Привет и спасибо Елене Карловне. Крепко целую, ваш папа. Были на передовой, но удачно вернулись, скоро снова пойдем в разведку по своей специальности. Сегодня была учебная стрельба из винтовки и из пулемета Дегтярева (Д. П. — ручной пехотный), стрелял на отлично».

5 (15) августа 1942 г. «На передовую ходим по очереди на 2 дня. В последнее время на нашем участке фронта шли тяжелые бои, наши очень медленно продвигаются вперед. Из хим. роты никто не пострадал. За год не вернулись только двое — очень редкое явление. Так что за меня не беспокойтесь. Теперь работаем только в противоипритных костюмах, одеваемся на скорость одевания, я успеваю. Работать тоже нетрудно, но работаю только в одном белье и то весь мокрый от пота. Погода пока

хорошая, но от дождя спасает плащ-палатка, а от холода шинель. Каждое утро обтираюсь из речки. Недавно произошел интересный случай. Надо было через речку переправиться на плоту в полном вооружении, но плот перевернулся, и я перешел вброд, а другие вернулись обратно. Одним словом, у меня все в порядке. С питанием тоже все хорошо. Суп иногда заправляем американской тушенкой с надписью на банке по-английски: Чикаго.

Поздравляю Юру с днем рождения, желаю ему здоровья и успехов в учебе. Недавно, стоя на посту, я вспомнил, что у нас с ним день рождения в один день. Помни, Юра, чему тебя учат папа с мамой, совсем отвыкни от лени, будь старательным, привыкай работать, помни: жизнь для труда. Учись отлично, слушай учителей, не бери пример с хулиганов, помогай маме, живите дружно с Фридой».

27 августа 1942 г. «Милые мои, родные мои — Люсенька, Фрида и Юра, получил сегодня 2 письма и бандероль с тетрадами. Большое спасибо. Жив и здоров, напрасно обвиняете, что обманываю насчет здоровья: 5-й день нахожусь на лугах, на покосе, куда нас троих откомандировала рота для заготовки сена. Хорошо на покосе, здесь мины не рвутся, это не передовая, не свистят пули, почти не слышна неутихающая перестрелка. Писать больше некогда, надо сено. Крепко целую, ваш папа».

7 сентября 1942 г. «Здравствуйте, мои милые, родные Люсенька, Фрида и Юра! Поздравляю с новым учебным годом и желаю в этом году здоровья, успехов в работе и учебе и дождаться окончания войны. Получил вторую

бандероль с тетрадями, громадное спасибо. Чувствую, что обо мне заботится даже начальствующий состав роты, видя это. Передай спасибо и привет Марии Петровне (за бумагу). У нас особых изменений нет, мы все еще косим. Приходили старшина и помкомроты, сказали, что накосили тонн 10–11, этого для наших лошадей вполне достаточно, оценили работу на отлично, и помкомроты сказал, что будет издан приказ и зачитан перед строем. Хорошо бы еще косить и косить хоть сколько. Чувствую себя хорошо, привык. Люсенька, пишешь, что тебе очень трудно, знаю, моя милая, очень хотел бы помочь, да война мешает. Ты, когда можно, привлекай себе на помощь других людей. До некоторой степени учись этому у Варвары Павловны. Береги свое здоровье, чтобы хватило до каникул. Ребятенки, берегите маму, помогайте ей хорошо, не ленитесь. Учитесь отлично. А что же это вы перестали мне писать? Письма от вас идут 8 дней. Люсенька, ты просишь совета насчет переезда к Зине, тут есть доводы и за, и против. Если для тебя создадутся невозможные трудности, предварительно сообщи мне об этом, а потом принимай решение. Вообще-то я, конечно, против. Чем лучше будет у Зины, чем на Медном?

На нашем участке фронта существенных изменений нет. Кой-где с большим трудом наши продвигаются вперед. Пока все. Крепко целую, ваш папа».

25 сентября 1942 г. «Здравствуйте, мои милые, родные Люсенька, Фрида и Юра! Сегодня получил ваши с Фридой письма и очень рад. Получил их в яме, когда

копали блиндаж для конюшни. Спасибо, мои хорошие, за ту любовь и ласку, что не забываете своего старичка. Как-то сразу теплее и легче становится жить (тепло подразумевает моральное и физическое). Я здоров и уже не рад своему аппетиту лошадиному, видимо, оттого что кормят гораздо лучше, чем в начале лета, и я, говорят, даже поправился. Ты в последних письмах пишешь, что и у вас питание тоже улучшилось, а в чем это выражено? Напиши. Наши казахстанцы в письмах к ним читают и вспоминают об арбузах и дынях. А ты напиши, как у тебя насчет финансов, хватает ли? Я могу послать, так как почти не расходую, а получаю ведь по 40 руб. ежемесячно. Милый Фрида, очень рад твоему письму, что хорошо работаешь и бережешь маму. Выношу тебе свою благодарность отца-красноармейца, но не зазнавайся. Юринька, хорошо, что ты тоже начинаешь любить работать, привыкай, мой милый, ведь учение и работа — это самое главное в жизни. Дружно ли живете с Фридой? Как помогаешь маме? Люсенька, мы с И. П. Кацуком поддерживаем связь, а он из дома давно не получает ничего, так узнай, что у них в семье. Писать стало очень темно, так что до свидания, папа».

Как только я начал изучать отцовские письма, сразу задумался над тем, что еще учась в институте, Павел стал называть свою будущую жену не Валей, Валечкой и т. д., а Люсенькой и Лялькой. Но довольно быстро понял и, думаю, не ошибаюсь, что это имя выплыло из однажды произнесенного «Валюсенька», быстро вошло

в норму более короткое — Люсенька, а затем и не менее милое — Лялька. Это, конечно, мое предположение, но, надеюсь, верное.

29 сентября 1942 г. «Здравствуйте, мои милые, родные Люсенька, мой хороший Фридонька и милый Люленька! У нас опять сейчас стоит хорошая погода — теплая, солнечная, летняя, и немец решил ей воспользоваться, и, прикрывая начатое наступление с воздуха, летят и летят. Стоит сплошной гул моторов, взрывы бомб, треск пулеметов и его, и наших. Наши зенитки сбивают каждый день много немецких самолетов. Сегодня я сам видел, как км в 1,5 упал сбитый немецкий бомбардировщик. Я сходил туда. Самолет, упав, загорелся, и фрицы зажарились: трупы жирные и шикарно одетые. Мы эти дни отсиживались в блиндажах. Теперь настал и наш черед, и нет химической войны, сегодня к ночи идем на передовую в оборону, так что вы пока не пишите, будет возможность — я сам напишу. Крепко вас целую и обнимаю, мои милые, хорошие, славные, родные. За меня не беспокойтесь, живите, мужайтесь. Ваш папа. P. S. Это письмо писал раньше, но оно вернулось за неточностью адреса. Надо писать: 1420 полевая почта, часть 119, красноармейцу — мне».

В этом письме отца почувствовалась какая-то тревога. Неспроста «мужайтесь». Я вообще заметил по тону писем, что солдаты всегда знали или догадывались о предстоящих изменениях во фронтовой обстановке. Все это прослеживается и в последующих письмах отца.

Первый раз в настоящем бою

4 октября 1942 г. «Здравствуйте, мои милые, хорошие! Вот я снова пишу вам, как только появляется возможность. Не волнуйтесь, все в порядке, мои милые. Я получил, как говорят, боевое крещение. В первый раз был в настоящем бою современной войны. К счастью, только танков не было. В бой шел спокойно, не трусил. Была самая свирепая бомбардировка, и обстрел с воздуха из пушек и пулеметов, и обстрел из пушек наземных. Пули и осколки сыпались градом вокруг, удивляешься, как только в тебя не попадает. Сначала пошли в наступление, была пробежка, потом заняли оборону, окопались, вот окоп-то и спасал от поражения. Немцы подходили близко: метров на 70, но их не было видно, т. к. наступала тьма, а они скрывались в лесу. Стрелял по ним раз 30, но насколько точно, сказать не могу. Мне только один осколок от авиабомбы задел рукав шинели и упал рядом с рукой. А через двоих человек одного убило. Наше подразделение опять пока в тылу. Так что обо мне не беспокойтесь. Простите, что пишу мало, — некогда, зато люблю получать от вас большие письма. Крепко вас целую, ваш папа».

Вот, казалось бы, служить в химроте менее опасно, оно так и есть, но ты на фронте в действующей армии, и никаких гарантий безопасности нет и быть не может. Тем более вдруг немцы нарушат конвенцию о неприменении химических отравляющих веществ (ОВ), и служба постоянно должна следить за чистотой поверхности земли и воздуха. Война есть война, и у химроты впереди еще масса испытаний.

14 октября 1942 г. «Здравствуйте, мои милые родные! Вот уже недели три как от вас не получал писем, а вам уже отправил два. Это меня очень беспокоит, и, Фрида, если мама болеет, напиши мне обязательно. У меня все по-прежнему. Сейчас мы в нескольких км от передовой (3 чел.) на посту специального наблюдения по своей специальности. Построили просторный блиндаж, дежурируем по очереди, рано утром и вечером. Когда самолеты не летают — варим еду. Так и живем. Я сейчас нахожусь вместе с той командой, в которой был Савченко Саша, помнишь, наш бывший ученик. Его в бою в ночь с 30-го на 1-е сентября сначала ранило осколком в ногу, а когда он пополз, его другим снарядом, кажется, совсем разорвало, так что и остатков не нашли. Я тебе сообщаю это по секрету, не очень об этом рассказывай.

Пишите, как вы живете, ваше здоровье, как питаетесь? Как убрали овощи? Как дела в школе? Что слышно о Виталии Матвеевиче, Степане Федоровиче? Ну пока, мои хорошие, спешу, так как старший идет за продуктами, и письмо отправляю с ним. Ваш папа. Новый адрес

пишите точно: 1420, Полевая почта, часть 119, Деменеву Павлу Петровичу».

Видимо, на их участке фронта наступило затишье, потому что в последних письмах октября отец пишет: «В настоящее время занимаюсь почти исключительно несением караульной службы: три часа в карауле, три часа отдыхаю, и так круглые сутки. Проклинаем Гитлера за войну, думаем, когда она кончится, и понимаем, что остается только подтягивать поясok терпения потуже».

17 ноября 1942 г. «Здравствуйте, мои милые, родные Люсенька, Фрида и Юра! Поздравляю вас с праздником, 25-й годовщиной Октября. По случаю праздника я не в наряде. Выдали нам новые шапки, серые, теплые, новое белье, новые портянки, рукавицы, обещают еще ватники-куртки, а сам пока отремонтировал старые рукавицы. Морозит без снега: –15 град. Я купил на 58 руб. картошки 5,5 котелков. У нас ездили в тыл за продуктами и привезли картофель и мясо для командиров, так ем сейчас густой картофельный суп, заправленный консервами. Хлеба теперь дают по 900 г — зимняя норма, крупы по 330 г. К празднику дважды давали по 100 г водки, да еще несколько раз давали по 50 г. Так я начал ее помаленьку употреблять, оставив на случай простуды 100 г. А 100 г договорился поменять с красноармейцем на 180 г мяса. А вы вот не пишете, как питаетесь? Пишу плохо, т. к. темно в блиндаже, а на улице холодно. Начал писать еще 7-го, а сегодня уже 10-е. Большое спасибо ребятам за письма, а у тебя, кажется, лопаются

терпение ждать конца войны, нет, дорогая, терпи, хоть и очень тебе трудно, родная. Лично я думаю, что если буду жив и здоров, то вернусь не раньше конца 43-го или весны 44-го. Я никогда не сомневался, что я ваш, и вы будете рады моему возвращению в любом виде, но это ведь не только от меня зависит. Пишешь, что выменяла масла, за что? Напиши. Пришла ваша посылка, пойду получать. Огромное спасибо, но больше не вздумайте посылать. Я хорошо питаюсь. Нам и так дают жиры и мясные консервы. Зима наступила очень коварная, хорошо, что нас к зиме одели. Я еще не сказал, что выдали стеганные штаны, да еще и плащ-палатка у меня. Ну пока, до свидания, родные мои, будьте здоровы».

3 декабря 1942 г. «Родные, милые мои, как вас благодарить, не знаю. Сегодня у меня большая радость: мне на зимовье вместе с продуктами принесли и вашу посылку, в ней все в порядке. Несказанно вас благодарю, мои хорошие. Все в посылке говорит о вашей заботе. Сейчас будем пить чай с вашими гостинцами. Только зря вы посылаете, например, мыло, которое у меня есть, а вам самим не хватает. Позавчера у меня был день удачной охоты: убил косача. Стрелял метров за 200, жирный. Варил 2 супа и один раз жарил с картошкой в котелке. Хотел бы вас угостить, но что поделаешь. От мамы тоже посылка пришла, но на почте еще не получена, завтра пойду получать. Сердечно целую, ваш папа».

11 декабря 1942 г. — мой юбилей: 10 месяцев в армии. Здравствуйте, мои дорогие Люсенька, Фрида и Юра! Ваше

письмо получил, а ответить пока никак не соберусь, снова посылают за дровами, но пока продолжаю. Мое зимовье у сена закончилось. Теперь живу в семье своего подразделения — в блиндаже. Каждую ночь стою в карауле, а днем хоз. работы: за дровами, баню топить, по уборке и т. д. Недавно выдали новые валенки, так что теперь ноги в тепле. Сегодня я прачка — стираю белье, а завтра будет банный день. Вот вам теперь и ясно, как я живу.

Ты спрашиваешь, где я нахожусь? Примерно в том же направлении, куда ездил с подарками в прошлом году Александров, только подальше. Точней сказать не могу. Я замучился с ложками: переломал, потерял и ем обломком от домашней ложки. Если сможете, пошлите спецпосылкой крепкую железную ложку, пока принимают. Родная, ты пишешь, что любишь меня больше, чем раньше предполагала, — спасибо тебе за это! Обо мне ты знаешь, что самое дорогое для меня в одинаковой степени ты и ребятенки, моя жизнь принадлежит родине и вам. Ну пока, крепко вас целую, ваш папа. Здесь одному бойцу из Пышмы написали, что там будто бы на собрании выступал Емельян Ярославский и сказал, что война кончится месяца через 3, а по-моему, не раньше поздней осени».

Что же это за подлая штука — война? Смерти, унижения, страдания, голод, ожидания жен. Но народ верит в победу. И жизнь идет, и никуда не деться от любви, дружбы и пусть маленьких, но радостей и больших в случае народных побед. Так, из последних писем отца

я увидел, что и на фронте рядом ходят смерть и те же маленькие радости. То на поле боя страшная бомбежка и обстрел из орудий и пулеметов, и диву даешься, как ты остался жив, и тут же затишье, отдых да еще и тихое зимовье по охране сена, где даже можно поохотиться на тетеревов-косачей. Такова жизнь. И как прекрасно, что она продолжается.

18 декабря 1942 г. «С Новым годом, с новым счастьем, мои милые, родные, хорошие Люсенька, Фрида и Юра. Желаю вам в этом году исполнения всех лучистых ваших желаний. Недавно получил письмо от тебя и Юры. Спасибо за него, только, Юринька, ошибок очень много делаешь, надо исправляться, а то привыкнешь к ним, будет трудно. Живу по-прежнему на том же месте. Может, ты до сих пор не знаешь моей военной специальности? Моя узкая специальность: ликвидировать коварные последствия еще не применяемых методов войны врага. Каждый день по 3 часа утром после завтрака занимаемся теорией и практикой по своей специальности, а вечером работаем: получаем продукты, варим ужин. А завтрак варим после подъема с 6 ч. утра. С наступлением зимы нам стали давать мясо, крупы, сало свиное и иногда картошку, правда, теперь мерзлую, утром варю котелок густого мясного супа, вечером кашу и чай. Днем «перехват» — хлеб с солью или сахаром. Сегодня дали вторые теплые рукавицы — шубенки. Значит, страна наша еще очень богата, когда так хорошо обеспечивает многомиллионную армию. Правда, мы получаем по первой

категории, как на передовой. Часто стали давать водку, но я ее меняю на хлеб и потому всегда сыт. Я снова занялся историей: иногда по просьбе товарищей рассказываю им легенды из греческой мифологии или из нашей истории интересные факты, на днях по поручению политрука буду делать доклад о Куликовской битве и Дмитрии Донском. Политрук разрешил приходить к нему в любое время (свободное) в командирский блиндаж и даже вообще перейти к ним, но я отказался, чтобы не отрываться от всех. Политрук просит достать: учебник географии капстран, чтобы я по нему делал доклады, учебник русского языка, т. к. после семилетки он многое забыл, и учебник истории для него. Поговори с Прасковьей Павловной, может, получится. Вот так и живу. Сегодня у меня была выходная ночь, я не в наряде. Ваш папа».

2 января 1943 г. «Здравствуйте, мои милые, хорошие, родные Люсенька, Фрида и Юра. Вчера получил письмо от тебя, а сегодня 2 от Фриды. Спасибо большое за них. Ведь это праздник для бойца, а то долго не было, и я встревожился, не заболела ли ты от перегрузок и тяжелой работы. Фрида, а ты иногда заменяй ее, когда ей очень некогда в работе по дому. Я вижу и знаю из писем, как тяжело вам достается, но как же быть иначе. Ребятенки, берегите маму, уважайте и слушайте ее. Как же ты, моя хорошая Ляленька, упала с лестницы? Наверное, сильно ушиблась, да, наверное, и морально это сильно на тебя подействовало. Держись, я знаю,

ты сильная, но беспокоюсь о твоём здоровье, и пиши мне всегда, не скрывая ничего, как-то бы тебе хоть иногда удавалось разгрузаться. А я долго не писал, потому что не мог урвать время. Целую неделю работали с саперами: строили дом отдыха для бойцов и командиров, пробывших на войне не менее года, таскали и вывозили бревна из леса, земляные работы, плотничали. Работали много и хорошо, за что и получили благодарности, а я даже 2: одну за несение караульной службы и еще за дом отдыха. А теперь жизнь опять вошла в обычное русло: готовимся к предстоящим боям по наступлению и обороне. Снова хожу к политруку и готовлю беседу о Кузьме Минине. Беседа о Куликовской битве понравилась, и меня стали больше уважать и просят чаще проводить подобные рассказы. Выдали нам подшлемники вязаные на голову с отверстием для лица, а работающим с лошадьми выдали полушубки. Мы очень благодарны тылу за заботу об армии, и это вселяет бодрость и уверенность в победе нашей страны над Гитлером. Фрида, напиши, как вы ходите в баню, как там себя ведете? Будьте здоровы, целую, ваш папа».

В каждом письме отца звучит тревога за жену и за детей, как они там, как учатся, чем еще занимаются. А тут узнаёт еще, что жена упала с лестницы, представляет, как ей тяжело одной и на работе все успеть, и за детьми проследить, ведь после уроков они предоставлены сами себе, а улица есть улица, с кем встречаются, с кем дружат? Сплошные переживания у отца. А как питаются?

Тем более что на фронте кормить стали лучше. Вот бы самому дома побывать, посмотреть, чем-то бы помочь, а жена из последних сил, может, работает? Но война, и ничего не поделаешь, а ведь так, небось, каждого красноармейца одолевают такие же мысли? Ну а на фронте дела идут хоть и с трудом, но чуть получше, и красноармейцы все чаще пытаются угадать, когда придет долгожданный конец проклятой войне. Они еще и не предполагают, что впереди еще их ожидает освобождение всей Европы.

А я обратил внимание на концовку этого письма, где говорится о помощи тыла, то есть всего народа, несмотря на голод и холод все силенки отдающего армии. Поистине работал лозунг: «Все для фронта, все для победы!» Ведь такая огромная армия, а ее одевают и обувают. Оружие все лучше и больше да и с кормежкой получше, во многом благодаря помощи союзников. А ведь действительно, на победу работал весь народ от мала до велика: я помню, как мы, одноклассники (в 1943 г. мы учились во 2 классе), собирали посылки бойцам на фронт. Конечно, это были простейшие подарки — кисеты, носки, варежки и др., и конечно, все это делали родители, но главное было в том, чтобы и дети сопереживали и понимали, как бойцам дорога помощь их же детей. И в те же годы мы ходили на торфяник переворачивать торфяные кирпичики.

10 января 1943 г. «Здравствуйте, мои дорогие, мои милые сердцу, родные Люсенька, Фрида и Юра!

Сегодня самое подходящее время между выходом на пост. Меня очень удивило, что вы послали мне вторую посылку. Что же вы от себя урываете? Ну спасибо, мои хорошие. 1-ю получил через месяц и 2 дня. А вот это для одной тебя. У меня здесь часто бывают дискуссии с бойцами на тему верности жен. Все они и, вероятно, наши командиры придерживаются такого взгляда, что за бабу ручаться нельзя, как и за самого себя тоже. Я поражаюсь такой массовой отсталости взглядов по вопросу об отношении к женщине. Для них они «бабы» — постельная принадлежность, кухарки и только. А я всегда, будучи на фронте, отстаиваю взгляд, что за свою жену ручаюсь, и она для меня не баба, а друг мой в борьбе и труде, и ей не до того сейчас, чтобы позволять себе лишнее. Я уверен, что не ошибаюсь в этом. Я знаю, что у тебя терпения хватит.

У меня все по-прежнему, здоров. На днях получил письмо от Неры Кузнецовой и ответил ей. Прочитай его. Передай привет Зине, Тасе, Тимону Никифоровичу. Ребятенки, на вас обижается бабушка, что вы не пишете ей. Ваш папа».

17 января 1943 г. «... Люсенька, по поводу Юры (для тебя одной). По письму и математике он, вероятно, также как и я. Обрати на это самое серьезное внимание, иначе он будет мучиться, как я. И еще ты пишешь, что он все поет песни, а что он поет? Написали ли ребятенки письма бабушке и дедушке? А что пишут они? Ну пока, крепко целую, ваш папа. Посылку еще не получил, идет месяц и более».

«Жди меня»

20 января 1943 г. «Здравствуйте, мои милые, хорошие, родные! Уже дней 10 не получал от вас письма и мне уж очень завидно, когда другие получают, хоть я и знаю, что у вас уважительная причина, но все же прошу хоть раз в неделю писать мне хоть помаленьку. Посылку пока еще не получил. Теперь, когда наши войска продвигаются вперед и берут много пленных и трофеев, чего раньше не было, у нас возрастают настроение и надежды поскорее попасть домой, хоть мы и знаем, что для нашего рода войск наибольшая опасность наступит в последний период войны, когда враг ухватится за последнее средство и может применить самые коварные запрещенные средства поражения — химические. Я готовлю очередную беседу и играю в шахматы со старшим лейтенантом — политруком, от которого услышал хорошую песенку. Вот она (может, не полностью):

*Жди меня, и я вернусь, только очень жди.
Жди, когда наводят грусть желтые дожди.
Жди, когда снега метут, жди, когда жара.
Жди, когда других не ждут, забывив вчера.*

*Жди, когда друзья устанут ждать.
Жди меня, и я вернусь всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть скажет: «Повезло».
Не понять не ждавшим им, как среди огня
Ожиданием своим ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать только мы с тобой.
Просто ты умела ждать, как никто другой».*

Теперь мы часто работаем в противогазах: и рубим лес, и чистим картошку. Писал дней пять назад, ответа не дождался. Пишите, мои милые, ваш папа».

Из последнего письма я понял, что знаменитое «Жди меня» К. Симонова попало на Северо-Западный фронт в январе 1943 г. Огромное впечатление оно произвело на бойцов. Всем хотелось его услышать и запомнить. Шел второй год войны, и, конечно, в головах бойцов бродили мысли: каково женам ждать мужей? Ведь несмотря на все тяготы жизни в человеке чувство любви никогда не умирает. У бойцов, конечно, зарождаются сомнения, насколько верны им жены? Недаром и отец в последних письмах не мог обойти эту тему, так что Симонов, сам постоянно бывший на фронте, очень вовремя пришел на помощь людям. И тут я вспомнил, что в письмах отца был еще один стих из фронтовой газеты, и нашел его. К сожалению, время его не пожалело, и невозможно этот кусочек газеты встроить в текст. Но я прочитал его и не могу удержаться от желания воспроизвести его.

Степан Щипачев

О любви

*Идут бои, земля в воронках,
Еще войны дорога далека.
Но если стоит что-нибудь девчонка,
Не может разлюбить фронтовика.
Что смерть? Мы к ней полны презренья.
Презренья тихого не нам искать.
Лишь руки, загрубевшие в сраженьях,
Достойны будут милую ласкать.
Мы и в любви сегодня строже,
Пусть будет девушкой любим,
Кому и жизни, и любви дороже
Земля, которой мы не отдадим.*

1 февраля 1943 г. «Здравствуйте, мои милые, хорошие, родные Люсенька, Фрида и Юра! Получил вашу посылочку и крепко бы вас расцеловал за нее, словом, очень благодарен. Позавчера отправил вам открытку. Что из новостей? Скоро у нас будет небольшое перемещение, и если от меня долго не будет писем, так не беспокойтесь, ничего опасного не предвидится. Люсенька, ты пиши мне письма так, чтобы я видел, что ты мое письмо получила и отвечаешь. Я недавно опять спрашивал, как ты смотришь, если бы я вступил в партию? Я говорил об этом с политруком, он посоветовал подыскать

поручителей, но в нашем подразделении таких лишь двое, так если ты не против, переговори с Прасковьей Павловной и Марией Петровной, не согласятся ли они за меня поручительствовать, и тогда бы выслать по почте. Начал 5 дней назад, но не удалось, а сейчас мы уже на новом месте, опять строим блиндажи, а это значит рубим лес, таскаем его и плотничаем, в общем работы много, да еще и шоссе чистим от снега. В еде меня спасает котелок-«самовар», высокий, выгнутый, узенький с крышкой. Чищу полкотелка картошки, заливаю водой и ставлю на краешек печки, и утром картошка готова. Заправляю соевой мукой, поджаренной на свином сале, размешиваю — и мое пюре готово. Потом я снова наливаю воду в котелок, всыпаю пшено на кашу и опять ставлю на печку, и ужин к вечеру готов. Вот так я и живу. Очень вам благодарен за посылочку. Она так кстати. Сегодня любовался фотокарточкой, где мы с вами в лесу, люблюсь вами, а посмотрел на себя, так неужели я был таким? Ну, жили хорошо, будем еще лучше жить. Ваш папа».

12 февраля 1943 г. «Здравствуйте, мои милые Люсьенка, Фрида и Юра. Давно не писал, но было страшно некогда. Перейдя на новое место, все строим и строим зимнее жилье, себе и командирам. Я в основном работаю в лесу, бывает, приходится бревна вытаскивать иногда по пояс в снегу. Попробовал работать лопатой и долбил мерзлую землю ломом. Землекоп из меня плохой, а киркой еще тяжелее.

Здравствуйте мамочка!.. 26/1/43г
 Вчера получил от вас письмо после 12 дневного пере-
 рыва и чрезвычайно рад. Пишите почаще, когда не
 можешь, бы Мосенко, туской редитиши.
 Рад вашему первенству по успеваемости за
 2ю четверть. Небось в этом деле немалый труд твоего труда.
 Спрашиваем какие новости у нас. Особенного ничего
 только чаще гораздо видны наши самолеты.
 Пишите что довольна редитенками - очень рад
 только смотри, чтобы они у нас были не пошвы и
 которых любой сорванец обманет и высмеет.
 Теперь ты замечала меня в слушании радио
 и если снова буди вместе, тогда уже не будет мне
 попадать за радио.
 Ив. Петр, давненько не видел, хотя он от меня
 был зко. Да, говорят что я стал поплнежее, но это
 обь выжидается из сенениями в питании и работе.
 Письму еще не получил. Привет В. Лебедеву,
 маме, Зине, Васе и тасе. Здоров и добр. Ваш папа.

Письмо с фронта от 26.01.1943 г.

Плотничаю много, да еще чистим дорогу от снега. И все от темна до темна. Но на днях меня как старичка откомандировали в постоянный караул по охране автомашины. Встаю на охрану через 6 часов на три часа. Одеваю полушубок и иногда сижу в кабине. Поздравляю тебя, моя родная, с награждением Почетной грамотой Облоно и Обкома союза за примерную постановку учебно-воспитательной работы, только знаю, чего тебе это стоит для здоровья. Ах, как мне хочется вас сфотографировать и сделать твой портрет, увеличив его. Тут дуют сильные ветры, и представляю, как вы мерзнете, если у вас такие же холода. У нас в блиндажах гораздо теплее. Тебе пора предъявлять требование о перемене квартиры да еще освободиться от завучества. Я здоров и бодр. Крепко вас целую. Ваш папа».

14 февраля 1943 г. «Продолжаю свои мысли, стоя на своем посту. Как бы мне получить от вас фотографии, желательно две: все трое вместе, ты, скажем, сидишь, а ребята около тебя, а 2-ю, наверное, ты одна в бюст. А ребята, наверное, сильно выросли, напиши, какой у них рост. Что-то давненько опять не пишут, небось, про бабушку и дедушку тоже забыли. Ты писала, что грустно стало после слов М. И. Калинина: «Жизнь — самое дорогое у человека, но приходится не щадя жертвовать, если будет нужно». Под влиянием этих слов у меня сплелись следующие мыслишки.

Мысли бойца на досуге. Война — это страшное дело, но Гитлер затеял ее, мне жаль вас, мои дорогие, но Роди-

на к смерти зовет. Живите, растите, учитесь, ведь надо стране помогать. Я верю, близка уж победа, и, может, вернусь к вам опять. Учитесь для собственной жизни, но память о прошлом храня, трудитесь во славу отчизны, но все ж вспоминайте меня. Запомните, дети, взрослея, родителям благодаря живете совсем по-другому и стать должны лучше меня. А если со мною случится, война ведь такая беда, меня все же не забывайте и вспомните хоть иногда. Не будьте совсем простачками, немало вокруг наглицов, в обиду себя не давайте, в себе воспитайте бойцов. Стихоплет из меня никудышный, но рискнул. Каждый вечер, надеюсь, слушаете радио с хорошими вестями с фронта. Крепко вас целую, ваш папа. Жду писем».

22 февраля 1943 г. «Здравствуйте, мои милые Люсенька, Фрида и Юра. На днях получил от вас письмо, писанное 2-го февраля, обычно письма идут дней 12, а тут 20, и я уже забеспокоился, что вы мерзнете в квартире. Это же ужасно, что у ребяенок рученьки опухли. Я в предыдущем писал, что абсолютно согласен, что ты должна ставить ультиматум на работе о перемене квартиры, и конечно, согласен с тем, чтобы тебе освободиться от завучества ради твоего здоровья и для ребят. Конечно, скучновато так долго не получать от вас писем, но пауза, видимо, затянется, т. к. у меня снова предвидится перемещение. Нового адреса не знаю, так что ждите от меня письма. Привет Мите, Тасе, Зине и Васе. У нас здесь февраль дождливый. Крепко, крепко вас целую, ваш папа».

18 марта 1943 г. «Здравствуйте, мои милые, родные Люсенька, Фрида и Юра! Вот я уже 2 недели нахожусь в обороне на передовой. 1 раз был в разведывательном бою. Каждый день вижу ненавистных фрицев. Пробовал и я охотиться на них со своим автоматом, но это не выход, нужна снайперская винтовка. Теперь я поступаю по-другому, чтобы побеспокоить проклятых. Продвигаюсь поближе к немцам, метров за 150–200, и высматриваю, чем они занимаются, что строят. Рассказываю минометчикам и корректирую их стрельбу. Так сегодня разгромили строящийся блиндаж. Положение на передовой меня вполне устраивает, я здесь, как рыба в воде. Только ночью холодновато и приходится греться различными физическими упражнениями. Нас, конечно, обстреливают из пушек, минометов и пулеметов. Но из моей ячейки выбыл только один человек — казах за все это время. А наша ячейка ближе всего к немцам. Эх, если бы я был помоложе, то лучше бы повоевал, но слабоваты стали ноги и сердце, но и то еще повоюем. Вспоминаю часто папу как разведчика в империалистическую войну. А меня здесь стариком зовут, потому что я старше всех. Но считаюсь неплохим бойцом и пользуюсь уважением. Но, мои дорогие, я больше всего думаю о вас и каждый день смотрю на ваши скудные фотографии, и конечно, хотел бы получить вместе с письмами свежие фотографии, попробуйте пошлите, может, что и выйдет. Пишите по адресу, что на этом письме. Раз не могу быть с вами, то в разговорах с товарищами

часто говорю о вас, какие вы у меня хорошие. Ну пока. Крепко, крепко вас целую в воображении. Пишите больше о себе, и что у нас в тылу. Ваш папа. Ребятки, берегу для вас подарок — парашютик от немецкой ракеты».

19 марта 1943 г. «Идем в тыл».

Дети — они всегда дети. Я всю войну помнил обещание отца. Но война есть война. И все обещания не всегда выполнимы. Так, вероятно, и носил отец этот парашютик до последних дней. Вечная ему память.

22 марта 1943 г. «Письмо отослать не удалось, поэтому продолжу. Два дня лежу в 200–300 м от фрицев в снеговом окопе, внизу подостлана хвоя. Раз в сутки ходим чуть подальше в тыл сушить обувь. Вчера, когда вернулся с такой сушки, то обнаружил своего сменщика в ячейке убитым осколком мины. Вот, оказывается, и так бывает. А окопы наши находятся в лесу, но, по моему, нет ни одного целого дерева, не пострадавшего от немецких пуль и осколков мин и снарядов. На передовую шел абсолютно спокойно, и сейчас настроение прекрасное, даже хочется петь слова из песни: «Все в порядке, моя дорогая»... Я получил повышение — старший ячейки. А ячейка наша очень похожа на снежную крепость (детскую нору). Крепко целую вас. Ваш папа».

Прочитав, вернее перечитав уже взрослым это письмо, я стал интересоваться устройством этих ячеек и узнал однажды, что в том же году Красная армия отказалась от использования ячеек в оборонительных боях,

так как ячейки располагались далеко друг от друга, кажется, в 30–50 м, у бойцов отсутствовало «чувство локтя» соседа, поэтому эффективность этой тактики была недостаточной.

27 марта 1943 г. «Здравствуйте, мои милые Люсенька, Фрида и Юра! Шлю вам привет с фронта. После двухнедельного пребывания в обороне мы снялись (не отступили) и идем куда-то в тыл походным маршем. Это для меня самое трудное. Шли несколько дней, а теперь отдыхаем в какой-то деревне в верховьях Волги вот уже третий день. Какая это для меня роскошь спать и жить в домах, пусть в лачугах. Дальше, кажется, поедем по ж. д. На передовой временно был стрелком. Наконец получил от вас 7 писем и очень рад. Если Митю не отправили, передайте ему большое спасибо за помощь вам. Милые ребятенки, маме очень трудно все успевать, так привыкайте самостоятельно приобретать знания. Пора взрослеть. Рад, что Фрида читает книги из моей библиотеки. Старайтесь сменить квартиру. Крепко целую, ваш папа».

28 марта 1943 г. «Привет вам, мои милые! Мы всё в той же деревеньке Калининской обл. Пользуясь случаем, пишу. Сейчас написал письмо Толе Ретнёву, т. к. Нера Кузнецова жалуется, что он подводит свой класс своей успеваемостью и поведением. 4-й день наслаждаемся отдыхом, живя в доме, бывшей бане. Население нас встречает приветливо. Сегодня нас угостили щами из квашеной капусты. Замечательно! Мне

и всем, наверное, надоел пшенный суп. Пишу вам, т. к. хотелось бы быть с вами, видеть вас, понимая, что это невозможно. Привет и благодарность Прасковье Павловне и Марии Петровне за готовность дать мне поручительство. Совсем нет бумаги, может, пришлете бандеролью по почте».

1 апреля 1943 г. «Стоим все в той же деревне. Делать абсолютно нечего. Читать нечего. Пробовал рисовать — не получается. Писать стихи тоже не получается. Думать все время о вас или о войне — тщетно. Вот и сел писать письмо вам. Вспоминаю о вас, о доме, своей домашней библиотеке, столько книг бы перечитать надо. Родная, как ведет себя твой желудок? Побывать бы с вами, узнать о вас подробнее. Как ребятишки развиваются? Фотографию даже если вы и послали, то из-за наших перемещений она затерялась. А мы снова скоро куда-то двинемся: в тыл или на фронт как пополнение. Вчера проводил занятия в 1-й роте. Начхиму нравится моя манера преподавания, а я рад, что попал в родную стихию. Ты сама, я думаю, понимаешь, как я о вас соскучился. Ну пока, мои хорошие. Живы будем, все устроится. Крепко, крепко вас целую».

4 апреля 1943 г. «Здравствуйте, милые Люсенька, Фрида и Юра! Привет все из той же деревни Калининской обл., где стоим на отдыхе. Идут занятия, а наше маленькое подразделение ничем не занимается, а я еще имею освобождение, т. к. болит левая нога в ступне. Коротая время написанием своих впечатлений о своей фронтовой

жизни, наиболее яркие ее страницы. Стараюсь развивать навыки своей письменной речи. С головой ушел бы в изучение теории литературы, но ничего, конечно, нет. Пишу в записной книжке — подарке в честь Октября, когда еще караулил сено под деревней Тарасенко. Наметил темы и порядок их. Одну главу написал. Буду жив, так обработаю и постараюсь сделать что-нибудь интересное. Так пока и проходит время. Уже дважды мылись в бане. Хоть бы в какой-то перископ посмотреть на вас, как выглядите, как живете? Ну пока. Крепко вас целую, ваш папа».

10 апреля 1943 г. «Здравствуйте, мои милые, родные, хорошие Люсенька, Фрида и Юра! Шлю вам свой привет из вагона ж. д. После почти года походной жизни снова на колесах. Сегодня проехали Калининскую область, Клин и подъезжаем, вероятно, к Москве. Очень рад, что вышли к весне из болот Ленинградской обл. Едем хорошо, в обыкновенном товарном вагоне, устроили 2-этажные нары, соорудили печь, и в вагоне тепло. Вот что значит находчивость. Покупал утром по пол-литра молока по 90 руб. литр и 1 стакан клюквы за 10 руб., а то деньги расходовать некуда. Читаю газеты досыта и сплю, сплю. 2 раза получаю горячую пищу с походной кухни из соседнего вагона. Утром щи, вечером кашу, днем чай, если нет кипятка, то и холодная вода».

8. V. 43

Смерть немецким оккупантам!

Куда г. Свердловск

Медный рудник - Верх. Пышма, Октябрьская 6
(20 кв.) 134.

Кому Деменовой

Валентине Петровне

Обратный адрес: Полевая почта № 02311 - М Част. 12

Деменев Павел Петрович
(имя, отчество и фамилия отправителя)

Мы можем и должны очистить советскую землю
от гитлеровской нечисти (Сталин)

Издание Военкнижторга.

Л 16/1-43 г. Зас. № 3033.

Письмо с фронта от 08.05.1943 г.

Выше черты не писать.

8/5-43г.

Привет, мои любимые! Изза леса начинают светить оранжево-золотистые лучи солнца. Вместе с солнцем поднимаемся и мы. Раздается команда дневального: «Кругом петух сабвы, кричат кукушки и издают др. птицы». Друзья! Все быстро встает и через несколько минут, построившись своим подразделениям без гимназенок с мамой и мамочками идем к рекушке улыбаясь. Как хорошо, это ободряет, потом, почитав немного газеты идем на походную кухню за завтраком. После завтрака или заката наша работа. Сейчас пропускаем через камфру окурилки, где пускаются пары настоящего хлорпикрина, бойцов нашей части. У кого велика тля-миска противоза вынакивают оттуда в слезах, а вообще наш противоза надежнейшим. Велюдя, выпалня поручение Кривцова ходя в бившес жилище Дуровского поздне Н.И.И. Лаврова. Тамство в поисках старой консервной банки для изготовления котелки для вышеуказанной камеры и конечно с помощью детдомовцев на шов и сделан котелку. Дом Б. Чолстого переэтанетис Кольотами красиво архитектурно оформленной, окружен фруктовыми садами, только все яблони посажены (как псаловик) за год до войны. В доме детдомовцев повсюду видны следы войны. От дома кругом км 2-3 тамбонисно. Раемирущи сновое деревокурки. В лесу вблизи виднеется задрощенн, черквь построения архитектуры.
Ниче черты не писать.

Письмо с фронта (оборот) от 08.05.1943 г.

«Жду тебя»

Сохранилось единственное письмо Валентины Петровны мужу на фронт, хотя я и не знаю даты его отправки, и даже более того — мне неизвестно авторство этого стиха, оно фактически является ответом женщин на симоновское «Жди меня». Но звучит оно так естественно и проникновенно, что большой грех его не напечатать, и у меня подступил комок к горлу, когда я его прочитал. Привожу его полностью.

Жду тебя

*Жду тебя, хороший мой,
Очень крепко жду.
Жду уральскою зимой,
Жду весной в цвету.
Жду — и дни быстрее идут,
Гаснут вечера...
И со мной сегодня ждут
Все, кто ждал вчера.
Ждут по-прежнему друзья,
Всею душой любя.*

*Что ни делала бы я,
Это для тебя.
Снятся мне твои черты.
Где же ты теперь?
Жданный мой, когда же ты
Постучишься в дверь?
Для тебя припасено
Все в доме твоём.
Непечатое вино
Выпьем мы вдвоем.
Верю — ты придешь опять,
Ласковый, родной.
Милый, я умею ждать,
Как никто другой.*

Согласитесь, наверное, только женщины так могут любить. Эти строки перекликаются со стихотворением «Жди меня» К. Симонова. Любой солдат на фронте, получив такое послание, будет с ума сходить от счастья. Если бы отец получил его? Остается только надеяться. А что насчет авторства, так тут только можно догадываться: в военные времена песен появлялось великое множество, причем часто знаменитые песни поэта Исаковского, например «На позиции девушка провожала бойца» и др., часто переделывались в народе на свой лад под свои переживания. И в данном случае моя мама тоже могла сочинить подобную импровизацию на чьи-то стихи, а может, и сама она сочинила такое чувствен-

ное письмо. Я могу сомневаться только лишь потому, что я не знал, что она при всей любви к поэзии сама сочиняла стихи. А впрочем, как знать?

18 мая 1943 г. «Здравствуйте мои милые, родные Люсенька, Фрида и Юринька! Шлю вам привет из того же лагеря. Наверное, скоро отправимся. Что-то от вас опять давненько нет писем, понятно — конец учебного года. Получил письма от мамы и Кали. Мама очень довольна, что ты им часто пишешь, особенно довольна письмом от Юры. У родителей сейчас тяжелое положение и состояние, так очень благодарны за письма, они их подбадривают. А я начал опять заниматься преподавательской работой, только учу БХВ — военно-химическому делу. Это меня устраивает, но это ненадолго. Нашей части вручили знамя и опять стали выдавать фронтовой паек. Значит, скоро пойдем в горячее дело, только гораздо более серьезное, чем было до сих пор. Но я бодр и готовлюсь к этому, но подводит левая нога: нет былой прыти. Почему-то живу полной надеждой, что вернусь к вам снова. Ну пока, всего хорошего. Сегодня дневалю, занят хоз. делами. Пишите чаще. Целую крепко, ваш папа».

23 мая 1943 г. «Здравствуйте, мои милые Люсенька, Фрида и Юрик! Получил от вас письмо от 11.05, а бандероль не получил, говорят, не принимают. Хорошо, что Тася приезжала к вам. Я им очень благодарен за помощь вам. Когда будете доить козочку?

Опиши мне, пожалуйста, внешность и поведение ребятишек, дай подробную характеристику каждому.

За последние 3 ночи подряд видел во сне. Будто приехал домой, будто у нас с тобой оказалась дочь лет 4-х, очень юркая смышленная девчурка, и ни на шаг не отходила от нас, а потом выпивали с гостями, и я угощал водкой».

25 мая 1943 г. «Ты пишешь, что стала злая, но это ведь бывает каждую весну, так как нервы к концу года на пределе. Ничего, родная, держись, ждать конца войны осталось все равно меньше, чем продержались. Люсенька, получил твое «Жду тебя», милая, я так счастлив, признаюсь — до слез, будем надеяться, что все хорошо будет. С И. П. Кацуком я расстался, когда был переведен в другую дивизию, а он там остался писарем. Наш адрес часто менялся, а если тебе известен его адрес, сообщи. Что ты Фриду перевела к Марии Николаевне, одобряю. Потерял химический карандаш на стрельбище, а стрелял хорошо, теперь пишу простым. Каковы перспективы с квартирой? Давайте фотографируйтесь и посылайте мне. На походной кухне достали горчицы, сами приготовили и теперь с удовольствием уплетаем. Спрашиваете о моем здоровье, так все в порядке, только нога фибрит. Боюсь похода. Крепко целую, ваш папа».

6 июня 1943 г. «Здравствуйте, мои милые, родные Люсенька, Фрида и Юра! Ты спрашиваешь моего совета о переезде на квартиру Комаревич? Если она большая, пусть даже одна комната, то потом можно поставить ширму. Так если она вас устраивает, то переходите за неимением лучшего. Ты только меньше расстраивайся, будь менее требовательной к себе. Пишешь, что

все вы очень изменились внешне, а я-то уж тем более: не только волосы поседели, но и вся борода и усы сесть начали. Я и вообще очень изменился: раньше жил по принципу — быть всегда гуманным, честным, а теперь убедился на горьком опыте, что, конечно, принципы эти святы, но если тебя хотят обмануть, обхитрить, то надо быть таким: «Кто кого перехитрит, чтоб ты перехитрил, а не тебя».

9 июня 1943 г. «Жить простачками в наше время нельзя. Мы стоим лагерем в лесу в живописной местности км в 50-ти от одного из участков Западного фронта. Я неделю жил в лазарете с больной лошастью, а теперь опять в своем подразделении. Люсенька, не отговаривайся от фотографирования, а сходите в фотографию. Я хочу видеть вас такими, какие вы есть. Так что не стесняйся, для меня вы в любом виде дороги и милы, родная. Посылаю письмо Фриде с поздравлением одиннадцатилетнего юбилея. Когда у Юры будет день рождения, а я не смогу вдруг написать, так прочитай ему, что я писал Фриде. А как мое: «Мне жаль вас, мои дорогие...». Политрук пообещал мне еще очень хорошее стихотворение. Как получу, пошлю обязательно. Стоит жаркое лето. Получил вторую бандероль. Большое спасибо. Достал хим. карандаш. Ну пока, целую. Ваш папа. Жду ваше фото.

Письмо не отправил. Пишу вслед полученной открытке. Ребятишек поздравляю с успешным окончанием уч. года. Поздравляю и с успехами на огороде: 7 соток вместо

шести запланированных — это здорово, хотя, понимаю, очень трудно. Зато будут свои, а потому особенно вкусные плоды и овощи. Ваша новая квартира, как и вам, не особенно нравится, зато мерзнуть не будете, и дров заготовливать меньше. Моя искренняя благодарность Прасковье Павловне и Елене Карловне за их помощь тебе. Надо было мне самому написать Широкову, но не догадался, ты же обычно всегда сама, ты же у меня такая хорошая. Постараюсь исправиться. Я здоров, только ревматизм, который постепенно прогрессирует и охватывает новые суставы повыше. Но вполне бодр и зол и готов прямо сейчас идти вымещать эту страшную злобу на проклятой, хитрой, наглой, бахвальной немчуре.

Итак, я конюх-ездовой, ухаживаю за тремя лошадьми: Овод — 9 лет, Титан — 4-х лет, Унция — 4-х лет. Чищу и кормлю их, мою 3 раза в день. А завтра буду проводить занятия по хим. делу, это уже как грамотный химик. Живу под плащ-палаткой, так как начались дожди, но тепло, вокруг прекрасная природа — березовый лес, мы в Смоленской области. Вот и все. Желаю успехов, крепко вас целую, ваш папа».

12 июня 1943 г. «Здравствуйте, мои милые Люсенька, Фрида и Юринька. Знаю и часто думаю, как вам тяжело приходится копать такой большой огород, как я хотел бы вам помочь, но потерпите, милые, и постарайтесь все это осилить и посадить максимум картошки и овощей. И курочек рекомендую побольше приобрести. Среди бойцов постоянно идут разговоры о сроках

окончания войны. Кто-то после побед союзников в Африке предвещает победу через пару месяцев, я же считаю, что не раньше поздней осени, а скорее всего еще позднее. А почему М. П. Минеева осталась без работы? Лялька, мне очень понравилось стихотворение, что ты мне послала, уж не сама ли ты это сочинила или переделала? Ну пока, крепко, крепко вас целую. Ваш папа».

Должен сказать, что копать огород было действительно трудно, но нам каждую весну помогали это делать дядя Митя, работавший на металлобазе, и часто солдаты из воинской части. К сожалению, от меня лично толку было маловато (возраст).

Ответ на «Жду тебя»

6 июля 1943 г. «Здравствуйте, мои милые, родные, хорошие. Получил ваши письма от 17 и 22 июня. Рад. Мы стоим все там же в резерве. Насчет здоровья. Ноге стало лучше, хожу на работу — не менее 12 км. Ничего, настроение бодрое. На месте работы полно немецких блиндажей, полно всяческих остатков, на все смотрим с омерзением, с ненавистью к фрицам за их зверства. Пишу из окопа, выполнив задание. Рад, что вы довольны квартирой, что комната большая. Весьма благодарен Варваре Павловне за квартиру. Как бы я хотел помочь вам по хозяйству, но что делать, держитесь, родные. Весьма одобряю покупку 2-й козочки, а сколько цыплят? Очень польщен, что вы меня любите и ждете домой. Люсенька, я обещание выполняю: посылаю стихотворение как ответ на твое прекрасное «Жду тебя».

*Мы расстались с тобой, но я знаю, я верю:
Звезды вечно сияют, жива и нетленна любовь.
Может, станет такое: я скрипну знакомую дверью.
Будут радость и слезы, и счастье заветное вновь.
Нас война развела, по дорогам, путям разметала.
Нынче бой, завтра бой, послезавтра бои...*

На переднем краю среди гула металла
Слышу голос я твой, вижу губы твои,
Что теплы, как дыханье, и зрелы, как вишни,
Что мне дороги вечно — дороже их нет!
Никогда в моем сердце не будешь ты лишней.
Никогда мое сердце не скажет холодное «нет».
Как люблю я тебя, как сегодня хочу я
Пить безмерно любовь, самым счастливым быть.
Как хочу я, под небом суровым ночуя,
Быть поближе к тебе, о тебе говорить!
Ночь черна, как смола, где-то слышится топот.
Где-то выстрел звучит одинокий, сухой.
Завтра утром, наверно, покинем окопы
И уйдем под огонь в оглушительный бой.
Ты усни. И себя ожиданьем не мучай,
Пусть тебе улыбнется весенний рассвет.
У меня, дорогая, высокая участь —
Воевать и любить — выше участи нет.
Ты усни. Ты живи, не горя, не плача.
Я с тобой перед боем один говорю.
Каждой каплею крови, всем сердцем горячим
Я с тобою, я твой, и тебя больше жизни люблю!
Вот сейчас, когда дзот темнотою окутан,
Когда драма созрела в холодной ночи,
Показалось, родная, почудилось, тут ты...
Тот же запах волос, те же руки... они горячи.
Ты, наверное, помнишь, как ночью бывало,
Серебром своих слов торопливо звеня,
Целовала меня и любимым своим называла,
Говорила, нигде не забудешь меня».

Прекрасное стихотворение, как здорово сказано. К сожалению, и тут автор неизвестен, но дело-то ведь в самой сути. Я думаю, что мама также была восхищена посланием.

6 июля 1943 г. «Милые мои сынишки Фрида и Юрик! Мама пишет, конечно, о вас, вот я и решил вам написать особо. Прежде всего, меня очень радует, что Юринька любит работать на торфе, тебе, Юрик, за это от папы-красноармейца благодарность (так у нас выносят перед строем). Фридонька, и ты молодец за то, что хорошо помогаешь маме, хорошо работаешь и отлично учишься, но два обстоятельства: 1) Ты не стараешься выработать хороший почерк, вот и будешь всю жизнь мучиться. Вот это уж никак не отлично, а отличником надо быть во всем, милый мой. Хороший почерк вообще помогает в жизни. 2) Я уж никак не ожидал, что ты будешь грубить маме. Что же это ты, мой хороший? Запомни, грубить можно лишь тем, кто с тобою несправимо груб, и с врагом, а не с мамой, которая столько мучилась, выращивая тебя, пока был совсем мал, и которая стремится изо всех сил, чтобы вы были хорошими людьми. Надеюсь, что больше не будет этого. Надо всегда ее любить и уважать! Ты ведь, милый, старший мужчина в доме, на тебя у меня вся надежда, ты главный помощник маме. Пишите и спрашивайте меня обо всем. Крепко, крепко вас целую, милые».

28 июля 1943 г. «Здравствуйте, мои милые, хорошие, родные Люсенька, Фрида и Юра. Куда вы подевались?»

Больше полумесяца не получал писем. Мама из дома пишет, что Каля заезжала к вам и привезла вам что-то большое. На нее большое впечатление произвели наши ребята. А мы были в походе и, пройдя км 90, опять стоим в лесу вдали от фронта. Работаем и занимаемся подготовкой к предстоящим боям. Я часто плотничаю по постройке жилищ для себя самих и других помещений. Вчера меня вызвали в штаб полка вместе с другими бойцами-учителями, побеседовали с нами, сфотографировали и сказали, что это материал для «Учительской газеты» на тему: «Учителя на фронте». Может быть, поместят когда-нибудь. Сегодня ходили на концерт армейского джаз-ансамбля. Понравилось очень. Люсенька, узнай, пожалуйста, послали для меня рекомендации Минеева и Трошкова? Я еще просил у Ворончихина. Крепко вас целую, ваш папа».

«Здравствуйте, мои милые, родные, хорошие Люсенька, Фрида и Юринька! Позавчера получил от вас два письма от 6-го и 19-го июля с двумя рекомендациями. Не получал писем давно и потому очень обрадовался. Рад, что у вас все хорошо: и за квартиру с удобной кухней (она кажется мне очень хорошей и заманчивой, как никогда раньше, но это пока отложим до окончания войны), и за то что вы питаетесь лучше. Радуюсь и тому, что у тебя аппетит хороший, а кстати, как у тебя с желудком? И конечно, рад, что у вас овощи хорошо растут.

Очень приятно читать твои ласковые и теплые слова, и что ждете сильно домой. Я бы этого хотел не меньше

вашего и надеюсь, но такая возможность может представиться не раньше поздней осени, а скорее не раньше весны будущего года. Письмо пишу на полевых занятиях во время перекуров. А утром был интересный случай. Прилетели бомбить нас 12–18 бомбардировщиков, а тут откуда ни возьмись наши ястребки со всех сторон, и немцы, беспорядочно сбросив бомбы куда попало, удрали.

Так мы наглядно убедились, что наступает преимущество нашей авиации в воздухе.

Милые мои ребятенки, это вам. Фрида, выношу тебе красноармейскую благодарность за большую работу на огороде и т. д. Но родной мой, мама все же жалуется на тебя, что ты очень груб с Юрой. Ребятенки, надо жить дружной, уважать один другого, помогать друг другу, выручать один другого».

Тут я должен рассказать о наших с братом отношениях. Признаюсь честно: мы не только ссорились, но еще и дрались, а что тут удивительного? Двое мальчишек 10–12 лет с разными характерами, и каждый пытается отстаивать свои права. Насколько я знаю, в семьях бывает, что и две сестренки дерутся примерно в таком же возрасте. Как правило, побеждает старший, так на то он и старший. Но если в беду попадает младший, то не думая о последствиях, старший всегда приходил на помощь, и бывало, Фридриху не раз доставалось от более старшего по возрасту обидчика. Я всегда был благодарен брату за помощь, и в моих глазах рос его автори-

тет. Видя несправедливость, Фридрих (это его черта характера в жизни вообще) смело идет на помощь людям. Так что не зря отец воспитывал нас: и дома, и в письмах.

30 июля 1943 г. «Люсенька, родная, может еще Варвара Павловна даст мне последнюю рекомендацию? Как приятно получать ваши письма и надеяться на получение новых. Как незаметно проходит лето. Боюсь, что и поздней осенью домой не успеть, если вообще этому «суждено» быть. Крепко, крепко вас целую, родные мои. Ваш папа».

Последняя весточка

31 июля 1943 г. «Милая Люсенька и ребятенки, сегодня отправил вам письмо, теперь пишу еще дополнительно. Стоим все там же, но в скором будущем идем на передовую, и я посчитал своим долгом обеспечить вас на всякий случай справкой о том, что я — красноармеец. Приберите ее и берегите, как важный документ. Она может пригодиться и через несколько лет ребятам или тебе, Люсенька. Эту секретку использую вместо конверта для справки. Крепко целую, ваш папа. г. Свердловск. Верхняя Пышма, Медный рудник, д. 23, кв. 8. Деменевой Валентине Петровне. Полевая почта 02311 И. Деменев Павел Петрович».

Это была последняя весточка от отца, она пришла 13 августа 1943 года. Как правило, отец письма писал часто: 2–4 письма в месяц. И вот все оборвалось. По истечении определенного времени и мама, и наша бабушка Надежда Евгеньевна начали искать мужа и сына. И только в марте 1944 года получили сообщение: «Деменев П. П. был ранен 17 октября 1943 г. и эвакуирован в госпиталь на лечение. Для наведения справок о его местонахождении обратитесь в справочное бюро о ра-

ненных и больных. Лечебно-эвакуационное управление ГВСУ Красной Армии, гор. Москва, Варшавское шоссе, д. 9-а. Зам. начальника 4-го отдела/подпись/».

29 июня 1944 г. пришел ответ, где было сказано, что данный товарищ не поступал ни в какой госпиталь. Пути поисков оборвались. До сих пор остаются две загадки:

1. Последнее письмо Павла Петровича домой было написано 31 июля, а ранение, согласно документу, произошло 17 октября, то есть в течение двух с половиной месяцев почта молчала, хотя домой до этого приходило, как правило, от двух до четырех писем в месяц? Это первая загадка.

2. В каком месте произошло ранение?

Судя по письмам, часть, где служил отец, стояла в Смоленской области. Смоленск был освобожден 25 сентября, а сражение за город началось 4 августа. Вероятно, после освобождения города войска далеко вперед не могли уйти, ведь нужна передышка, пополнение. А следующим крупным городом был Витебск, а его освободили только 6 июня 1944 г. Невольно думаешь, что после ранения отца эвакуировали или пытались эвакуировать в Смоленск. А почему не довезли, по какой причине? Это вторая загадка. Валентина Петровна всю дальнейшую жизнь ждала мужа — нашего с братом отца. Но больше никаких весточек не было. В те времена бывало всякое. Бойцы с очень тяжелым ранением, когда, скажем, лишались и рук, и ног, могли попасть в специальные интернаты, и некоторые раненые сами просили

не сообщать родным, понимая, какая забота ожидает родственников. Бывало, попадали в плен по пути в госпиталь. Наверное, были случаи, когда раненый за время долгого лечения встречал другую женщину. Это вероятно, если в семье были неполадки. Думаю, что данный вариант просто невозможен: отношения в нашей семье были очень дружными.

К сожалению, не сохранилось писем мамы к отцу, кроме послания «Жду тебя» и, к счастью, одного кусочка письма мамы на фронт, который отец использовал ввиду отсутствия письменной бумаги, на что он и пожаловался в том письме. Вот уцелевший отрывок мамино письмо: «... Вернулся домой Виктор Жиряков. Ты почему-то не пишешь о себе лично ни слова. Здоров ли ты вполне, как чувствуешь себя? Ведь мы беспокоимся. Ты пиши. Я хотела освободиться от учебной части, но меня теперь не отпускают, хотя я очень прошу.

Ну пока, мой милый, родной. Будь здоров, пиши, когда имеешь возможность».

Даже этот кусочек письма подтверждает глубину и искренность личных отношений отца и мамы.

«Ваш урок»

Виктор Жиряков одним из первых выпускников школы вкусил все тяготы и ужасы войны. Но летом 1942 г. после излечения от ран оказался дома в Верхней Пышме и занялся учительским делом. Поэтическая муза не миновала его, и в шестидесятые годы он посвятил своей любимой учительнице прекрасные строки. Когда директор городского музея Елена Селина в газете «Красное Знамя» за 9 октября 1997 г. опубликовала статью «Дорогая Валентина Петровна», поместив там стихотворение «Ваш урок», у меня, ранее уже знакомого с этим стихотворением, невольно комок подступил к горлу. Нам с братом остается только испытывать гордость за нашу маму, а я и тут не откажу себе в праве напечатать это стихотворение.

Командир взвода гаубичной артиллерии, лейтенант Борис Суворов. Фотография из письма Валентине Петровне. 1944 г.

*Деменова
Валентина Петровна*

Ваш урок

*Когда раскатистый звонок
Сзывает в класс детей,
Я вспоминаю Ваш урок
Во мгле военных дней.
На стеклах — снег,
На сердце — лед.
К Москве враги ползут,
Но все-таки урок идет
Все 45 минут.
Ваш муж в бою,
Письма не шлет,
И грудь волненья жгут,
Но все-таки урок идет
Все 45 минут.
Пиявкой голод бок сосет,
И каждый слаб и худ,
Но все-таки урок идет
Все 45 минут.
Мне кажется, что неспроста
Пролег к луне маршрут,
А потому, что Ваш урок
Шел 45 минут.*

Да, Валентина Петровна, несмотря на потерю мужа, продолжала работать с тем же, если не с большим усердием, и нечего удивляться, что от переживаний и перенапряжения в начале 1946 г. с ней случился, как констатировали врачи, «комбинированный порок сердца». Но в конце концов она справилась и с этой бедой, благодаря стараниям врачей, администрации города, в первую очередь — Широкова Григория Матвеевича, друзей, подруг, родителей учащихся класса, где Валентина Петровна была классным руководителем. А это были в том числе и руководители завода ПМЭЗ (ныне ОАО «Уралэлектромедь»), начальники цехов и руководители Пышминского рудоуправления да и, образно выражаясь, большинство жителей Медного рудника знали и уважали ее. Многие были ее учениками, все сочувствовали ей и готовы были чем-то помочь. Ну и нельзя забывать ее общественную деятельность как депутата Верхнепышминского районного совета и члена исполкома. Она возглавляла комиссию по народному образованию. Так, пока Валентина Петровна физически была бессильна, одна из подруг — учитель немецкого языка Михаэлис Елена Карловна — научила ее плести кружева (она вела с учениками кружки рукоделия и кулинарии). Добрые люди достали маме и пугу с коклюшками. Я хорошо помню ее красивые кружева.

Постепенно силы вернулись к маме, в том числе благодаря и ее силе воли и упорству. Валентина Петровна вновь обратила свой педагогический талант на благо

просвещения. Конечно, ни о каком заведовании учебной частью в школе не могло быть и речи.

Тем не менее, перед ней стояла задача воспитания двух мальчиков одной, без мужа. Теперь мне кажется, что с дочками ей было бы легче. Но, как видите, она все сумела и одна.

Не забывали нас и родные, как со стороны отца, так и со стороны сестер Валентины Петровны. Так, с 1943 г. сестра Павла Петровича — Клавдия Петровна, также с первых дней войны потерявшая мужа, Всеволода Михайловича Лохова, была назначена директором школы в д. Старый Брод в 7 км от районного центра Чернушка Пермской (тогда Молотовской) области и, получив квартиру, перевезла всю семью с двумя дочерьми Гертрудой и Людмилой и родителями из д. Зверевы к себе. В 1944 и 45-м годах они каждое лето с ранней весны привозили меня в Старый Брод, где я с радостью постигал все трудности и прелести сельской жизни. Дед купил мне лапти, и я понял, насколько удобна эта обувь в лесу. В мои 10 лет он решил меня поздравить с юбилеем и в Чернушке в магазине деликатно спросил меня о желании. Тогда в стране в магазинах повсюду продавались скрипки, а я мечтал научиться музыкальной грамоте. Дед подумал, почесал затылок и... купил мне брезентовые ботинки, которые тогда мне были более необходимы: шла война, и все жили бедно. Дед с бабушкой очень переживали потерю на фронте двух своих сыновей: Павла и Евгения. В 1947 году все лето у них гостил Фридрих, также познавая

сельскую жизнь. Дед наш работал в соседней деревне пасечником да еще и, не теряя времени, зарабатывал трудодни, изготавливая вилы и грабли для колхоза. В эти же годы они послали нам посылку с медом. Я запомнил это, потому что мы пешком ходили с мамой в Свердловск на улицу Челюскинцев за этой посылкой, и на обратном пути я до крови натер ноги, так как шел в калошах, а они были мне малы. Пришлось разуться и идти босиком, а была поздняя осень, и конечно, дискомфортно. Но нет худа без добра. Оказалось, что тара по пути лопнула, и мед стал сочиться сквозь холстину. Это меня и подбадривало. Я шел вслед за мамой, пальцем собирал мед и отправлял его в рот. Разве такое забывается?

Муж старшей сестры Валентины Петровны работал всю войну на металлобазе в Свердловске сапожником, по субботам и воскресеньям приезжал к нам и очень помогал по хозяйству: копать огород, садить и убирать картофель. Помогал оборудовать дровяник, когда переехали на ул. Красноармейскую в д. 23, и запомнилось, когда он привозил гостинец в виде молочного продукта «суфле», сытного и сладкого. Фридрих ездил в 1944–45 г. в д. Семеново, что в 7 км от районного центра Очер, где и жили Бурдины: Таисия Петровна — старшая сестра Валентины Петровны, с мужем Дмитрием Федоровичем. Они работали в колхозе им. Чкалова, до войны богатого. Всю войну на своих героических плечах вынесли женщины, так как мужчины были на фронте. Я был знаком с ними, потому что начиная с 1948 г. постоянно

бывал там. Моя тетя научила меня позднее и жать серпом, и снопы вязать. В самой Перми жила Зинаида Петровна с мужем Василием Павловичем Пономаревым, ответственным работником речного порта, позднее директором телефонного завода. У них была дочь Генриетта, закончившая Пермский государственный университет, она стала юристом, работала в Перми, но умерла очень рано — в 26 лет. В 1946 году родилась Людмила, в дальнейшем известная в Перми учительница дошколят и учеников младших классов. Имеет двух дочерей: Наталью и Надежду. Отношения с этой семьей были всегда самые теплые. Бывая в Семеново, все дружно ходили за ягодами и грибами, помогали дяде носить из Очера почту, дежурить на «пожарке», пасти колхозное стадо.

Поиски отца закончились тем, что он стал считаться «пропавшим без вести». Уже в 1985 году прочитал в газете «Правда» за 12 марта статью М. Бубличенко «Идут письма шахтеру» о горном мастере Василии Андреевиче Малаховецком из г. Донецка, добровольном поисковике участников Великой Отечественной войны и пропавших без вести. Я тоже написал ему письмо, и он откликнулся, но сказал, что нужна войсковая часть, хотя бы полк, где служил отец. Я сделал запрос в архив г. Подольска, но оказывается, частным лицам ответ не дается, а только по запросу военкомата. Военкомат запрос сделал, а когда ответ пришел, уже дело шло к перестройке, и на мою вторую просьбу от Малаховецкого ответа не последовало. Или он прекратил свою благородную деятельность,

что весьма сомнительно, ведь вся Украина и фактически вся страна знают его. Может, еще какая-то причина. Может быть, следует его еще поискать.

Ответ из Центрального архива г. Подольска: «В/ч 02311 принадлежала 3-му стрелковому батальону 44-й стрелковой бригады, которая 16-го апреля 1943 г. была переформирована в 306-й стрелковый полк 62-й стрелковой дивизии. Установить принадлежность литеры «И» по документам 44-й стрелковой бригады и управлению 62-й стрелковой дивизии не представляется возможным».

Из писем прослеживалось это переформирование, когда их перевели с Северо-Западного фронта, где в 1941–42 гг. под Старой Русой погибло много уральцев, в том числе и бойцов с Медного Рудника. После отдыха их часть оказалась на Западном фронте.

Да, имя Деменева Павла Петровича занесено в городскую книгу памяти в Екатеринбурге как «пропавшего без вести». А было ему всего 40 лет. Понятно, что многие погибли практически юношами, но ведь в любой семье свое горе. У Вечного огня в Верхней Пышме среди фамилий воинов, погибших в Великую Отечественную, есть и его имя. А Валентине Петровне было всего-то 37, когда они расстались. А каково женщине остаться одной с двумя детьми? Правда, это судьба миллионов женщин. Как тут не воскликнешь вслед за Булатом Окуджавой: «Ах, война, что ты сделала, подлая!» А семейная жизнь начиналась так хорошо, хоть и не без трудностей,

но иначе и не бывает, наверное. Они всю жизнь жили надеждами, как и вся наша страна. Но... война.

В последних письмах отец настойчиво просил нас сфотографироваться и выслать ему фотографию нас троих.

*Нас было четверо — семья:
Отец и мама, мы — два брата.
Родители — учителя,
Поздней мы — сыновья солдата.*

Такая фотография появилась только в 1947 г.

Конечно, к тому времени мы стали совсем другими. Ведь прошло уже 4 года. Я уже в пятом, а Фридрих в восьмом классе, и у каждого свои наклонности. Фридрих как спортсмен вырастает на глазах в серьезного соперника лучшим взрослым лыжникам Верхней Пышмы. Я со спортом тоже дружен, но больше меня влечет художественная самодеятельность, танцы и декламация стихов. Еще я с удовольствием ходил в школьный хор. Обычно мальчишки не любили хор, а мне нравилось, и в 5 классе я оказался белой вороной, так как единственный из мальчишек аккуратно посещал хор. Не обладая ни голосом, ни слухом, я любил петь и учил все новые песни, а прекрасных песен было очень много: И. Дунаевского, Н. Богословского, особенно Василия Соловьева-Седова, Б. Мокроусова и др. композиторов. И прекрасные поэты-песенники: В. Лебедев-Кумач, М. Исаковский, М. Матусовский и другие. Впоследствии

Наша семья. Апрель 1947 г.

любовь к поэзии и песням меня и привела к стихосложению, но это когда «пахнуло» первой любовью. Наш класс оказался очень дружным, и эта дружба сохранилась до наших дней. О классе можно писать очень много, но надеюсь, что это тема следующего рассказа. Скажу только, что все, окончившие 10 класс, поступили в вузы и добились достойного места в жизни. Многие стали учителями. Классным руководителем у нас была Ипатова Мария Павловна, прекрасный педагог-литератор. Она же вела и класс старшего брата Фридриха.

Это был тоже дружный и сильный класс. Мне запомнились друзья брата: П. Тоболов, в итоге ставший начальником литейного цеха на Уралмаше, наиболее близкий друг Фридриха. Я помню и других его одноклассников: Р. Робака, В. Безденежных, М. Гуляева. В этом же классе учились и две подруги: Н. Чижова и М. Екимова. С Марианной он связал свою дальнейшую судьбу, создалась прекрасная семья, и родились сын и дочь: Петр и Татьяна. Фридрих поехал во Владивосток поступать в морское училище, но потерпев неудачу из-за плохого зрения, проработал год в шламовом цехе ПМЭЗ, поступил в Горный институт и стал геофизиком.

Подобная история произошла и со мной. С будущей женой я подружился еще в школе, благодаря художественной самодеятельности, удачно станцевав с подругой Галей Овечкиной грузинский танец. Мы поженились после окончания института. В итоге у нас также сын и дочь: Андрей и Елена. Мы знали, что нашей маме непросто одной воспитывать нас, растущих парней, но понимали, что и образование надо получать. Правда, в 7 классе я, мечтающий стать в дальнейшем геологом, решил было поступить в Исовской геологоразведочный техникум и сказал об этом маме. Она, не раздумывая, ответила, что мне надо получить высшее образование. Валентина Петровна все брала на себя ради нас — детей, ну а я, прямо скажем, не проявил настойчивости. А Валентина Петровна работала и работала, не жалея себя, и впереди ее ждали еще долгие годы ра-

боты, полные трудностей и успехов, воспитания внуков. В 1945 году она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», в 1946 году значком «Отличник народного просвещения». В 1957 году ей было присвоено звание «Заслуженный учитель школ РСФСР», а в 1965 году Валентина Петровна была удостоена звания «Почетный гражданин города Верхней Пышмы», по моему, даже первой из учителей города. Еще она была награждена орденом «Знак Почета».

А по отцовской линии дела складывались следующим образом. Клавдия Петровна после войны вышла замуж за друга своего брата Евгения — Безусова Михаила Ивановича, и у них родилось двое детей: Володя и Лида. В 1953 году старшая дочь Клавдии Гертруда вышла замуж, закончив пединститут, и была направлена в пос. Кедровое близ Верхней Пышмы. Преподавала там литературу, а позднее занялась поисковой работой погибших в Великую Отечественную. В 1955 году после смерти нашего деда Петра Павловича перевезла в Кедровое свою мать, нашу бабушку. Младшая дочь Людмила закончила школу в Кедровом, окончила пединститут, вышла замуж и уехала в г. Калининград, где и вырастила дочь Ксению. Там же живут и младшие Безусовы.

В Перми живет дочь Евгения Петровича — Надежда вместе со своей матерью Анной Григорьевной. К сожалению, Надежда никогда не видела отца, так как к ее рождению отец уже, вероятно, погиб. Евгений Петрович был списан из армии по поводу инвалидности, но, будучи

еще совсем молодым (26 лет) и настоящим патриотом, многократно добивался направления на фронт. Наконец, дав расписку военкому, ушел защищать Родину в сентябре 1943 года, а в ноябре письма с Волховского фронта уже стали возвращаться «за отсутствием адресата». Евгений, по словам жены, командовал минометным взводом. А дочь родилась в январе того же года. Она окончила Пермский государственный университет по специальности «Механизация вычислительных работ». В семье у них также двое детей: сын Игорь и дочка Маша.

31 июля — последний день общения супругов Демевых. Надо полагать, что Павлик получил ответ на свое последнее письмо от своей Люсеньки — Ляльки, но это был конец их общению.

Я изучил карту военных действий 1943 года и почти уверен, что могила отца должна находиться в Смоленской области. В 1983 году я проезжал на поезде по Смоленским краям и внимательно смотрел в окна вагона, пытаюсь прочитать фамилии погибших на памятниках, но ничего не увидел. Тогда и родилась эта легенда. Да, это только миф.

*У могилы солдатской — братской,
От волненья застыв, стою:
В длинном списке погибших — павших
Нахожу фамилию свою.
Воевал здесь, в краях Смоленских
В сорок третьем и наш отец,*

*Но вернулось письмо однажды:
«Выбыл, ранен». На том конце...
Задыхаясь на длинных подъемах,
С фронта в тыл уходил эшелон.
Ночью в клочья фашистские бомбы
Разнесли санитарный вагон.
Вверх взметнулась стрела обелиска,
Будто нету печали конца...
Я цветы положил полевые
На могилу солдата-отца.*

Вот так закончилась наша повесть, повесть о любви двух молодых сердец. Валентина Петровна работала еще долго, а в 1962 году вышла на пенсию, но никогда не покидала свою школу и всю жизнь ждала своего Павлика — Павла Петровича. Воспитывала внуков и старалась больше быть на природе, в лесу, собирая грибы и ягоды. Ездила к сестрам в Пермь и в д. Семеново.

За своим здоровьем следила внимательно. По путевке съездила в Кисловодск. Мы с братом почти одновременно обзавелись автомобилями: я в 65-м благодаря материнской помощи купил «Запорожец», а Фридрих Павлович, 2 года поработав в Гвинее, приобрел «Волгу», и мама часто ездила с нами и в лес, и в гости. В 70-е годы по путевке полечилась в Нижних Серьгах. Когда ей было уже за 60, она смело ходила за клюквой на Шитовское болото. А с 1974 года жила одна, так как я получил квартиру, и всей семьей мы переехали в Свердловск,

хотя мой сын еще несколько лет постоянно бывал у бабушки. Но в 1981 году у Валентины Петровны случилась «сердечная недостаточность», она слегла. Школа не забывала ее: подруги-учителя постоянно были с ней, особенно Рефтова Мария Никифоровна и Аввакумова Клара Федоровна. В последние дни, посещая маму, я прочитал стихи, посвященные ей:

*Кому поведаешь печали,
Своей поделишься бедой,
Чтоб словом горьким не пеняли?
Да только матери родной.
Пусть покажусь сентиментален,
Жизнь современная грубей,
Но все равно пою стихами
Спасибо матери моей.
Где б ни бывал: в огромных залах,
Где всё хрусталь, ковры кругом,
Но никогда не забываю
Я скромный материнский дом.
И где б меня ни угощали,
Еще ни с чем сравнить не мог
Ее состряпанный руками,
Любовью сдобренный пирог.
Одолевают нас морщины,
И жизнь дается нам не вдруг.
Мы никогда не забываем
Заботу материнских рук.*

*Валентина Петровна по дороге в лес,
через бескрайнее поле ржи. 1965 г.*

Валентина Петровна не забыта, еще живы те, кто учился у нее. Пусть память о ней живет еще долго. Она жила и работала, не жалея себя. Она не была членом партии, чему никак не хотели верить, спрашивая, где ее партбилет, готовясь к ее похоронам. При прощании с Валентиной Петровной у гроба Старков Федор Васильевич в своей речи сказал: «Она первая в нашей школе создала настоящий кабинет по предмету, а именно — кабинет географии». Мне запомнилась эта фраза. Мама была настоящим человеком, ярким представителем советских людей, таких же честных и преданных патриотов,

рабочих и служащих, которые в войну, не жалея себя, ковали для Родины победу. Еще свежи в памяти события, связанные с 65-летней годовщиной Победы над фашизмом. Эта война разрушила яркую любовь историка Павла Петровича и географа Валентины Петровны. Вечная память им и всем, ковавшим победу для всего нашего народа.

Не могу не сказать еще несколько слов о Валентине Петровне, о ее некоторых личных качествах. У меня сохранилось высказывание Марианны Васильевны Деменевой о ней: «Меня всегда удивляло, что несмотря на постоянную занятость в школе Валентины Петровны, в доме ее всегда царили чистота и порядок. Она любила повторять, что куда бы и когда бы ты ни спешил, заправь кровать, — аккуратность начинается с этого. И еще: нельзя оставлять назавтра никакие дела, если есть возможность их сделать сегодня». И далее Марианна говорит, что удивительны выдержка и дисциплинированность этой женщины. Вероятно, благодаря этим качествам и силе воли она сумела перенести инфаркт 1946 года, продолжала жить, работать и воспитывать детей.

Несколько слов от себя. На вид такая строгая и серьезная в школе, Валентина Петровна была добрейшим и отзывчивым человеком. По крайней мере, все ее племянницы и их подружки считали ее таковой.

В семье у нас не было принято никаких сюсюканий, но всегда соблюдался принцип: все поровну, и если в те военные голодные времена ее кто-то угощал, скажем,

конфеткой, то она разрезалась на три равные части. Все это нам с братом нравилось. Как-то на день рождения мама мне подарила сборник стихов М. Львова — фронтовика, танкиста. Мне навсегда запомнилась его фраза: «Мы вышли в безбрежность, и с этого дня железность и нежность входили в меня». В этом вся Валентина Петровна.

Вместо послесловия

Только закончив писать эту повесть, я, кажется, понял, какую роль сыграло поколение наших родителей в развитии нашей страны. Встретив революцию в юношеские годы, они воспринимали все дальнейшие события в стране осознанно и поступали по велению сердца и по обстановке. Наверняка не все так дружно приняли идеи социализма, в зависимости от достатка в семье, но коль не покинули страну, так, значит, надо было думать о хлебе насущном, то есть работать. Абсолютное большинство моих одноклассников — выходцы из рабочих или крестьянских семей, и вольно или невольно наши родители оказались в гуще индустриальных строек, развернувшихся в нашей стране. Наш год рождения весьма знаменателен — это 1934 год. Именно в этом году на Медном руднике был сдан в эксплуатацию наш медеэлектролитный завод ПМЭЗ, многие наши родители строили этот завод и впоследствии стали на нем работать. Ну а другие родители работали на руднике или в других организациях. Так, наши с братом родители — учителя. Так или иначе, несмотря на огромные трудности, люди поверили в лучшее будущее и с энтузиазмом

работали во славу нашей Родины, что и доказали последующие годы, особенно годы Великой Отечественной войны, когда люди героически сражались на фронтах и не менее героически трудились в тылу, добывая победу. И бесценно значение ПМЭЗ для победы, ведь изделия из меди играли такую огромную роль, один только медный порошок чего стоит.

Наши родители

Как пример, приведу имена работников завода, родителей моих одноклассников, рабочих, инженеров и служащих, не претендуя на абсолютную полноту данных, хотя мне и помогали мои одноклассники.

1. *Богачев А. Я.* — электрик, обслуживавший цеха БМ и шламовый.
2. *Костарев В. Н.* — заместитель директора завода по строительству.
3. *Красноперов В.* — машинист мостового крана электролитного цеха. Погиб на работе, но его сменила жена, обучившаяся этой же специальности.
4. *Красноперова А. А.* — машинист мостового крана электролитного цеха.
5. *Левенков Д.* — завком, бухгалтер.
6. *Медведев А.* — рабочий электролитного цеха.
7. *Никифоров Д.* — мастер медеплавильного цеха.
8. *Обоскалов Н. Ф.* — работник электролитного цеха.
9. *Порошин Н. П.* — инженер-конструктор конструкторского бюро.
10. *Редкин Г. И.* — дежурный по электролизу.
11. *Редкина С. А.* — заготовщица электролитного цеха.

12. *Самохвалов И. В.* — катодчик, дежурный по электролизу.
13. *Тимофеев...* — рабочий электролитного цеха.
14. *Ульянов Г. К.* — рабочий ... цеха.
15. *Шукин...* — ИТР ПМЭЗ.
16. *Шукина...* — ИТР ПМЭЗ.

Нашему поколению повезло: мы жили, образно говоря, «как у Христа за пазухой», за спинами своих родителей, они пережили все трудности. Слава им!

Юрий Павлович Деменев

Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

*Она была в сороковых,
та страшная война,
и много горя, много бед
нам принесла она.
И много полегло бойцов,
чтобы врага изгнать.
И жертвы, жертвы — без потерь
побед не одержать.
Вперед! За Родину! Ура!
И поднимались роты,
с винтовками наперевес
бесстрашно шла пехота.
«Блицкриг» врагу не удался.
Он сразу же познал
и стойкость русского бойца,
и наших пушек шквал.
И каждый выстрел по врагу,
и залпы батарей
расплатой были за беду
и слезы матерей.
Спокойно в тылу,
только нет тишины:*

здесь молотов грохот — дыханье войны.

И к фронту потоком идут эшелоны:

Орудия, танки, снаряды, патроны.

А дома и голод, и прочие беды,

Но все лишь для фронта,

все ради Победы!

Забыл фашист в победной спеси,

что, кто в Россию приходил,

или в могиле оказался,

или бесславно изгнан был.

И день пришел — и пробил час:

захватчиков разбили

и над Рейхстагом Красный флаг

победный водрузили!

На нашу землю посягали

еще японцы-самураи.

С ответом медлить не пристало —

Квантунской армии не стало.

В стране свободной мы живем —

заплачено сполна.

Нам никогда не позабыть,

какой была война.

2010 г.

Ю. Деменев

Из семейного архива

*Начало трудовой деятельности.
Валентина Хренова после окончания
Коммерческого училища. 1924 г. — з-д Очер
Деменов Павел, сельский учитель. 1927 г. — село Уинск*

Педколлектив средней школы № 23. 1938 г.

Жители 20-го учительского дома

*Семья Вознесенских,
(слева направо)
верхний ряд: Элеонора,
Аполлон, Мирра,
внизу:
Надежда Дмитриевна,
Александр Лаврович,
Екатерина Дмитриевна.
1939 г.*

*Вид на дом
по ул. Октябрьской.
Дом учителей*

Безмятежное
Довоенное
Детство.
слева направо:
Вера Соловьёва,
Роза Минеева,
Тамара Соловьёва,
Люба Минеева.
В гамаче Деменев
Павел Петрович
с сыном Фридрихом
и племянницей
Генриеттой.
1939 г.

*В гостях у семьи Лепинских. Внизу слева:
Деменова Валентина Петровна и Трошкова Прасковья Павловна*

*Три подруги. Слева направо: Лепинская Антонина Абрамовна,
Трошкова Прасковья Павловна, Деменова Валентина Петровна*

Ученики около родной школы № 1. 1951 г.

*В лес за грибами на «Волге»:
сын Фридрих, Валентина Петровна и внучка Таня*

Содержание

Пролог	4
Жизнь до встречи в 1929 г.	6
Еще о родителях	10
Учеба в институте. Любовь и женитьба	13
Медный рудник — Верхняя Пышма	23
МГУ им. М. В. Ломоносова	48
Армия	55
На фронт	60
Северо-Западный фронт	65
Первый раз в настоящем бою	75
«Жди меня»	85
«Жду тебя»	99
Ответ на «Жду тебя»	106
Последняя весточка	112
«Ваш урок»	115
Вместо послесловия	132
Наши родители	134
Великая Отечественная война 1941–1945 гг.	136
Фотоприложения	138

Деменев Юрий Павлович

Любовь и война

Технический редактор — *М. Я. Бесчаснова*

Корректор — *Е. В. Чагина*

Верстка — *А. В. Трубин*

Подписано в печать 15.04.2011. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 8,4. Тираж 150 экз. Зак. № 233.

ООО «Станционный смотритель». Тел.: (343) 378-06-85. E-mail: Koltyshew@yandex.ru.

ООО «Издательский Дом «Филантроп». Тел.: (34368) 3-84-54. E-mail: print@idfilantrop.ru.

Книга издана при поддержке
Уральской горно-металлургической
компании